

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Две половинки Тайны

ПО ИМЕНИ
ТАЙНА

Татьяна Викторовна Полякова
Две половинки Тайны
Серия «Авантюрный детектив»
Серия «По имени Тайна», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019830

Две половинки Тайны : [роман] / Татьяна Полякова: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-115374-8

Аннотация

Романом «Две половинки Тайны» Татьяна Полякова открывает новый книжный цикл «По имени Тайна», рассказывающий о загадочной девушке с необычными способностями.

Таню с самого детства готовили к жизни суперагента. Отец учил ее шпионским премудростям – как избавиться от слежки, как уложить неприятеля, как с помощью заколки вскрыть любой замок и сейф. Да и звал он Таню не иначе как Тайна. Вся ее жизнь была связана с таинственной деятельностью отца. Когда же тот неожиданно исчез, а девочка попала в детдом, загадок стало еще больше. Ее новые друзья тоже были необычайно странными, и все они обладали уникальными неоднозначными талантами... После выпуска из детдома жизнь Тани вроде бы наладилась: она

устроилась на работу в полицию и встретила фотографа Егора, они решили пожениться. Но незадолго до свадьбы Егор уехал в другой город и погиб, сорвавшись с крыши во время слежки за кем-то. Очень кстати шеф отправил Таню в командировку в тот самый город...

Татьяна Полякова

Две половинки тайны

*...Но все девушки Бонда должны умереть,
И любой режиссер знает об этом,
Есть только один шанс спастись —
Вовремя выскочить из сюжета...*
«Чайф»

Мой отец был психом. По крайней мере, меня пытались в этом убедить. Впрочем, не так трудно это и было, учитывая обстоятельства. Чем старше я становилась, тем проще было согласиться с данным утверждением.

Отец вообразил себя тайным агентом или кем-то там еще. Мы резво перемещались по стране, иногда выбирались за границу (пару таких случаев я помню совершенно отчетливо), нигде подолгу не задерживаясь. Меняли явки и пароли, одним словом.

Матери у меня не было, то есть она, разумеется, была, раз уж я появилась на свет, но я ее никогда не видела, если только совсем в раннем возрасте, воспоминаний о котором не осталось. Отец о маме помалкивал, а так как жизнь мы вели своеобразную, я довольно долго вопросами о ней не задавалась, зная не зная, что у человека непременно должна быть мать. Мне и отца хватало.

Но несмотря на все его старания оградить меня от внеш-

него мира, этот самый мир временами вторгался в нашу жизнь неожиданно-негаданно.

Года в четыре я спросила отца, почему другие дети гуляют с тетями, и кто эти тети вообще такие.

Отец неохотно пояснил, что у детей бывают мамы и папы. Но не у всех. У кого-то недостает отцов, у кого-то матерей.

Меня такое объяснение не особо устроило, потому что вопросов только прибавилось: например, почему не достает и отчего зависит, кто из родителей останется. Но по лицу отца я поняла: с вопросами лучше не лезть, и лишь согласно кивнула.

Однако через пару лет к данной теме вернулась.

Отец сел напротив меня и со всей серьезностью заявил: пора мне кое-что узнать.

Если честно, я мало что уяснила из того разговора. Но главную мысль отец до меня донес: у него сложная работа, мы не можем никому доверять, а главное, должны соблюдать осторожность.

Собственно, все это я не раз уже слышала, но теперь отец особо напирал на свою таинственную работу, многочисленных врагов, которые подстерегали нас за каждым углом, и необходимость быть умнее и изворотливее, чем они.

– Ты должна быть профессионалом, – сказал он, и слово я запомнила.

Особенно мне понравилось, что отец сказал: я – его главное сокровище. Я обязана помнить об этом и, само собой, не

давать повода врагам торжествовать победу.

Зовут меня Татьяна, Таня, но отец называл меня Тайной, это мне тоже нравилось.

Само собой, занятые спасением мира (а чем еще заниматься тайным агентам?!), жить как нормальные люди мы не могли. Ни в детский сад, ни в школу я не ходила. Отец занимался со мной сам.

Как выяснилось позднее, занимался неплохо. В общем, я не только хорошо знала, как оторваться от слежки или незаметно проникнуть в любое здание или учреждение, а затем так же незаметно его покинуть, но и школьную программу по пятый класс включительно.

Пожалуй, я была куда образованнее своих сверстников, потому что много читала.

Неудивительно, учитывая тот факт, что нормального общения с другими детьми меня лишили.

Иногда мне позволялось поиграть на детской площадке (всякий раз на новой и в разных концах города), но если и удавалось с кем-то познакомиться, то знакомство это длилось недолго: час, полтора от силы.

Я любила наблюдать за людьми из окна квартиры или машины (чаще всего я видела их именно так) и представляла себе чужую жизнь. Получалось не очень. Я понятия не имела, чем нормальные люди обычно занимаются.

Больше трех-четырех месяцев мы на одном месте не задерживались и устремлялись дальше. Откуда у моего от-

ца-психа были на это деньги, остается загадкой.

Мне исполнилось одиннадцать, а через четыре месяца после этого отец разбудил меня среди ночи.

Выглядел он странно. То есть поначалу особых странностей я не усмотрела, не в первый раз он поднимал меня среди ночи, чтобы спешно покинуть очередную квартиру и очередной город.

Позевывая, я начала одеваться, и вот тогда обратила внимание на то, что говорит отец с трудом, лицо у него серое, на лбу испарина. Он держался левой рукой за бок и отчетливо скрипел зубами, но что там с его боком, под пиджаком не разглядишь.

– У нас проблемы, – сказал отец, но я к тому моменту и без того поняла: дело плохо.

– Что с тобой? – спросила испуганно.

– Ерунда, – ответил он и поморщился. – Но нам на некоторое время придется расстаться.

Если честно, смысл слова «расстаться» до меня дошел далеко не сразу.

– Ты уже взрослая, немного побудешь одна, – продолжил отец. – Через месяц, от силы через два, я за тобой приеду. Ни о чем не беспокойся. Где бы ты ни была, я тебя найду. А сейчас хорошо запомни, что ты должна сделать.

Я внимательно выслушала все, что он сказал, повторила практически дословно и даже не испугалась открывающихся перспектив. Может, просто толком не поняла, что меня

ждет, а может, отец весьма преуспел, воспитывая из меня агента «007», и я оказалась совершенно бесстрашной девчушкой.

Мы покинули съемную квартиру, сели в машину и через полчаса тормозили в переулке неподалеку от вокзала.

– Отделение полиции за углом. Ты все помнишь? – Я кивнула, и мы с минуту молча смотрели друг на друга.

Отец меня обнял, поцеловал в макушку и сказал:

– Ну, иди, ничего не бойся.

Я опять кивнула, вышла из машины и устремилась вперед. Мне очень хотелось оглянуться, но я подумала: отцу это вряд ли понравится, чего доброго, он решит, что я боюсь.

И я сдержалась.

Свернула за угол и увидела здание с вывеской на фасаде «Полиция». Туда я и направилась.

Дежурный, обнаружив меня за стеклянной перегородкой, слегка растерялся. А вот я четко следовала инструкциям, и для начала сообщила, что потеряла папу.

Мой рассказ сводился к следующему: сегодня мы приехали с отцом к его другу дяде Ване. Я осталась в квартире этого самого друга, а они с отцом куда-то ушли. Вечером вернулся один дядя Ваня. Отвел меня на остановку, неподалеку от полиции, и велел ждать отца, что, собственно, я и делала до глубокой ночи. Отец не появился, мне стало страшно, и я пошла в полицию, потому что знаю: полиция помогает людям в беде.

В общем, я крепко озадачила дежурного, а потом его коллег, ну и, само собой, появившееся к утру начальство.

О себе я сообщила следующее: я – Таня Свиридова, папу зовут Юра, мне одиннадцать лет, вот, собственно, и все. В школу я не хожу, занимается со мной папа, приехали мы из соседней области (добирались рейсовыми автобусами), там жили у папиного друга, дяди Игоря, адрес я не знаю. А до этого жили в Самаре, у тети Веры. Адрес, само собой, я тоже не помню. Мама у меня нет, и никакой родни тоже, жили мы всегда у папиных знакомых.

Ну, и главное. Папа предупреждал, если вдруг не вернется, мне следует идти в полицию и назвать комбинацию цифр: 14091520 и слово «Тайна». Мне обязательно помогут.

Я думаю, примерно в этом месте в полиции решили, что отец у меня псих. Но вслух этого никто не сказал. Щадили чувства ребенка.

Уже на следующий день у меня появился психолог, который попытался меня разговорить. Но не особо преуспел. Он ведь не знал, что перед ним практически готовый тайный агент.

Я помнила главное правило: отвечать коротко, по возможности, «да» или «нет». Затем меня навестил следователь.

Его я тоже не порадовала. Где находится квартира дяди Вани, я не знала, к остановке мы шли дворами и довольно долго. Я испугалась, что папы нет, и ничего не запомнила, кроме детской площадки. Но это, как вы понимаете, та еще

примета. В то время камер наружного наблюдения в городах было немного, в основном, возле банков и прочих учреждений, а мы, по моим словам, шли дворами.

Отца, само собой, искали. Но безрезультатно.

Через несколько дней ко мне явился посетитель, мужчина средних лет, в черном костюме. Говорил он со мной чрезвычайно серьезно, хотя время от времени вдруг начинал улыбаться и переходить на отеческий тон.

Отец предупреждал: подобный человек непременно появится, и вот он появился. Меня данное обстоятельство сильно успокоило: все идет по плану.

Я тут же выдала ему комбинацию цифр и слово «Тайна».

Он трижды моргнул, что должно было меня насторожить. Но не насторожило. Все-таки я была одиннадцатилетним ребенком.

Он кивнул и спросил:

– Тебе известно, что это значит?

– Нет, – сказала я. – Но это должно быть известно вам.

Он вновь кивнул и начал задавать вопросы.

Я на них ответила, как велел отец. Разумеется, на те вопросы, ответы на которые знала.

Мы говорили довольно долго. Потом он приходил еще дважды.

Второй раз не один, а с таким же серьезным мужчиной в очень похожем темном костюме.

Время от времени они переглядывались, вопросы предпо-

читали задавать по очереди, так что мне приходилось вертеть головой от одного к другому.

Будь я постарше, наверняка бы сообразила: оба пребывают в глубочайшем недоумении.

К тому моменту прошел уже месяц, поиски моего отца, а также мифического дяди Вани ничего не дали. Я начала беспокоиться, потому что отцу пора было появиться. И в один прекрасный момент, покинув место своего временного пребывания, я отправилась на квартиру, где мы жили с отцом.

Адрес я отлично помнила, да и дорогу нашла легко. Разумеется, трижды проверила, нет ли слежки. В подкладке куртки у меня был спрятан ключ.

Я позвонила в дверь.

Выждав время, дверь открыла. Квартира выглядела в точности так, как я ее помнила. За одним исключением: наших вещей здесь не было. Никаких следов недавнего пребывания. Если отец и находился в городе, то в каком-то другом месте.

Я собралась реветь, но вовремя одумалась. Я ведь уже взрослая. А взрослые не режут. Хотя данное утверждение теперь казалось весьма спорным.

Там, где я провела целый месяц, разрешалось смотреть телевизор (отец был противником телевидения, правда, против интернета не возражал), так вот, к тому моменту я много чего успела насмотреться. Как бы то ни было, а реветь я не стала. И вернулась в свое временное жилище, где меня так и не хватились (будучи на редкость спокойным ребенком, хло-

пот взрослым я не доставляла, и на мое отсутствие внимания так и не обратили, решив, что я где-то засела с книжкой).

Мне же надлежало решить, что делать дальше. Впрочем, выбора, по сути, не было. Идея болтаться по улицам в одиночку не привлекала, оставалось ждать отца. Он сказал, что придет за мной, значит, придет. Отец никогда меня не обманывал.

Судя по всему, люди, занятые поисками моего отца и каких-либо следов нашего с ним пребывания на этой земле до момента моего появления в полиции, признали свое поражение. Или у них появились дела поважнее.

Серьезные мужчины в костюмах больше не появлялись.

Одна из сотрудниц доверительно сообщила, что меня отправят в «хорошую» семью, сделав ударение на слове «хорошая», где я буду жить.

Я восприняла это с олимпийским спокойствием, уверенная, что отец заберет меня со дня на день.

Но прошел еще месяц, потом еще...

В семью меня так и не определили, и к Новому году я оказалась в детском доме, который находился в селе Иванчиново, в бывшей помещичьей усадьбе, каким-то чудом пережившей и революцию, и войну, и прочие невзгоды. До села от детдома было километра полтора. Учились мы в сельской школе, мы – это семнадцать человек воспитанников, именно столько детей числилось в детском доме на момент моего появления там.

Число это с годами то уменьшалось, то увеличивалось. Помнится, однажды дошло до двадцати трех.

Я до сих пор гадаю, что ж это было за место такое? То есть место во всех отношениях вполне себе нормальное, даже приятное. Одноэтажный помещичий дом, обшитый вагонкой. Каждую весну его красили в серый цвет, а веранду – в белый. Спальни для мальчиков и для девочек, отделенные друг от друга просторными игровыми комнатами. Их тоже было две: для малышей и тех, кто постарше. Самому младшему из нас было шесть лет, двое старших готовились летом покинуть заведение. Весь обслуживающий персонал набрали из жителей села.

Школу, как я уже сказала, мы посещали местную, но каждый день из города приезжали два психолога. Мне досталась Вера Кузьминична, забавного вида старушенция, в огромных очках. Седые волосы она стригла очень коротко, оставляя лишь челку, из-за чего напоминала мне постаревшего пионера-героя (их портреты уже лет сорок украшали холл школы). Она была заядлой курильщицей, но курить при детях считала непедagogичным и пряталась за погребом, зимой неслась туда в наброшенном на плечи пальто, скользя в туфлях на узкой дорожке, а воспитатель, Марья Сергеевна, качала головой, бормоча сквозь зубы:

– Охота пуще неволи. А Вовка – лодырь. Дорожки как следует расчистить не может.

Вовка-лодырь был ее мужем и числился дворником, а

также мастером на все руки. Он и правда умел делать все, в те редкие мгновения, когда на него вдруг снисходило трудолюбие.

Некоторая странность места, куда меня определили, была связана, разумеется, не с Вовкой, не с помещичьим домом и даже не с Верой Кузьминичной, хотя теткой она была довольно занятой, с кучей тараканов в голове.

Вопросы вызывали сами воспитанники. Наверное, были среди них вполне обычные дети, но большинство... большинство, как и я, могли порассказать много чего интересного, если имели к тому охоту. И обладали довольно странными навыками.

Про меня вы уже кое-что знаете: тайный агент-недоучка. Но встречались биографии и позатейливее.

Кстати, именно Вера Кузьминична ласково сообщила мне: «деточка, твой папа был нездоров».

Поначалу это очень раздражало, особенно в первые годы, когда я еще ждала отца. Впрочем, я ждала его до самого последнего дня пребывания в детском доме. Но чем старше я становилась, тем меньше у меня находилось возражений.

Как ни крути, а нашу с отцом жизнь нормальной уж точно не назовешь. Однако поверить в то, что отец меня бросил, я не могла.

И вот тогда явилась догадка. В мельчайших деталях вспоминая ночь, когда мы расстались, я вдруг поняла: враги-таки добрались до нас. Отец был ранен (держался за бок, бледное

лицо, испарина) или болен (скорее, отравлен), и, разумеется, хотел спасти меня. Потому и отправил в полицию, где меня должны были найти его друзья или он сам, если выживет.

Я верила, отец выжил, но все еще в опасности. Оттого и не приходит. Ему важно знать, что я ничем не рискую. Однако годы в детском доме даром не прошли, и лет в пятнадцать я начала задаваться вопросом: кто из нас двоих псих? Батя, с его рассказами, или я со святой верой в них? И в конце концов отложила решение этой задачи до лучших времен.

Как бы то ни было, а моя жизнь в детдоме была вполне счастливой. Психологиня изрядно досаждала, но я быстро научилась управляться с нею. Других отрицательных аспектов я не находила. А вот положительных хоть отбавляй.

Первым делом, мои друзья. Например, парень с затейливым именем Ланселот. При знакомстве он обычно широко улыбался и объяснял, что был такой рыцарь, про него написана куча книг и снят не один голливудский фильм. Интеллигентному человеку грех этого не знать. К тому же он из цирковой семьи, а в цирке любят редкие и красивые имена. В этом месте граждане вспоминали известных братьев-дрессировщиков и поспешно кивали.

Само собой, Ланселотом моего друга мало кто называл, обходясь коротким Ланс. Ланс Трегубов. Он утверждал, что фамилию сам придумал, когда его сцапали.

Его историю я знала в двух версиях. То есть их было значительно больше. Каждый раз, когда Ланс желал рассказать

о себе, появлялась новая история, но все они более-менее укладывались в две версии.

Первая: он из цирковой семьи, отец и мать погибли в авткатастрофе, он сбежал из детдома, долго бродяжничал.

Версия вторая: своих родителей он помнит, в младенчестве его то ли нашли, то ли украли цыгане. Он рос в таборе, не подозревая, что он там чужак, пока старая цыганка, которую он считал своей бабкой, не призналась, решив, что вот-вот скончается: никакая он им не родня. И не отдала единственную принадлежавшую ему вещь: книгу в дорогом переплете с золотым обрезаом. На титульном листе фломастером было написано «Ланселот», и рассказывалось в ней о подвигах этого славного рыцаря.

Прихватив книгу, Ланселот покинул недавних родственников в надежде отыскать настоящих родителей. Книгу пришлось продать, чтобы не умереть с голода.

В одиннадцать лет я слушала эту историю открыв рот, в пятнадцать – с легкой усмешкой.

Допустим, цыганам зачем-то понадобился младенец, но на фи́га им книга? А, главное, я совершенно точно знала: голодная смерть Лансу не грозила. Он мог украсть все что угодно, от наручных часов и банковской карты из бумажника до машины из гаража (машину он вернул в ту же ночь, хозяин так ничего и не заметил, а мы смогли покататься по лесным дорогам).

На вопрос, когда и где Ланс научился водить машину, он

скромно ответил: нашел руководство в интернете. А машины одалживал при случае. Еще он мастерски метал ножи и стрелял из лука.

Тут сразу же вспоминалась первая версия: до своей гибели родители выступали в цирке с номером «Вильгельм Телль». Отец сначала метал ножи, они оказывались в миллиметре от стоявшей у специального щита матери, а потом мать водружала себе на голову яблоко, и отец сбивал его стрелой из лука.

Разночтения в биографии самого Ланса несколько не смущали, в ответ на вопросы он снисходительно улыбался, впрочем, с вопросами никто особо не лез. Ланс был у нас вожаком, и мы его обожали. Разумеется, он тут же стал обучать меня всем премудростям, которые знал, а я в качестве ответной любезности научила его тому, что умела сама.

Еще одним занятным типом в нашей компании был Славка Лаваль. Происхождение его фамилии было загадкой как для него, так и для нас, мы предпочитали называть его Лавой.

Лава был компьютерным гением. Похоже, таким же гением был его отец. Грабил банки, не выходя из дома. А также мог раздобыть любую информацию. Именно это его, скорее всего, и погубило.

Однажды, вернувшись из школы, Лава обнаружил своих родителей на кухне в луже крови. Его забрала к себе бабка, но гибель снохи и сына ее подкосила, и вскоре после этого

старушка умерла. Лава оказался в детдоме, желающих приютить парня у себя не нашлось. Первое время Лава не находил себе места в нашем занятом заведении, отказывался от общения и даже от еды. До тех пор пока не подружился с Лансом.

В учебной комнате у нас стояло несколько компьютеров, Лава презрительно именовал их барахлом и близко не подходил.

Где Ланс стащил для него ноутбук, история умалчивает, это случилось еще до моего появления в детдоме. После этого события Лава примирился с местной жизнью, точнее, не особо ее замечал. От воспитателей ноутбук прятал, а все свободное время проводил в комнате для чтения, которая, как правило, пустовала.

Позднее она стала чем-то вроде нашего штаба, куда абы кто не допускался. Пользоваться интернетом можно было не более двух часов в день, но в селе интернет был почти в каждом доме, и Лава быстро нашел выход из положения, подключаясь то к одному пользователю, то к другому.

У Ланса его способности вызывали восторг, но, несмотря на дружбу и обоюдное желание поделиться навыками, Ланс хакером так и не стал, к технике он вообще относился настороженно, а Лава с завязанными глазами с тридцати шагов ни разу и не попал в дерево из лука. А вот мне легко удавалось как одно, так и другое.

Четвертой в нашей команде стала Дуня Стрекалова. Если,

по словам психолога, мой отец был психом, то у Дуни спятели оба родителя. Они ждали со дня на день то ли атомной войны, то ли падения метеорита, и готовились выживать в экстремальных условиях. Отказались от благ цивилизации, вырыли землянку в лесу, где и жили довольно долго, два или три года, пока отец, упав весьма неудачно, не сломал обе ноги. У матери хватило ума не полагаться на народные средства, а отправиться за помощью.

Помощь пришла, отца в конце концов поставили на ноги, а вот с Дуней возникли проблемы. Оказалось, что у нее нет не только свидетельства о рождении (это еще полбеды), но и необходимых навыков, наличие которых предполагается у ребенка десяти лет. Ни читать, ни писать она не умела (родители, как видно, решили, что ввиду конца света это ни к чему), не пользовалась зубной щеткой, есть предпочитала руками, одним словом, оказалась настоящим Маугли.

О ней даже писали в газетах, а по всем каналам крутили ток-шоу, где умные дяди и тети обсуждали столь вопиющий случай родительской безответственности.

Отец, лежа в больнице, вел себя смирно, а вот мать буйствовала, и в результате оказалась в психушке, ну а Дуня в нашем детском доме. Дети ее пугали, впрочем, так же, как и взрослые.

Удивительно, но мы с ней подружились довольно быстро. Я уже не помню, как началась наша дружба, но она пошла на пользу обоим. Грамота давалась Дуне с трудом, но когда я

вызвалась помочь, дело пошло веселее, и кое-как программу начальной школы она освоила. А я теперь знала все съедобные растения, умела поставить силки, смастерить капкан из подручных средств, соорудить жилище, разжечь костер без спичек и ориентировалась в лесу в любое время суток.

Одним словом, процесс взаимного обогащения знаниями и навыками шел полным ходом, о чем наши педагоги, по большей части, даже не подозревали.

Впрочем, и здесь наверняка не скажешь.

Иногда я думаю, может, мы оказались в этом детском доме не случайно? И кто-то ставил эксперимент: что получится, если в одном месте собрать всех этих детишек?

Так это или нет, но мое пребывание в бывшей усадьбе вышло насыщенным и чрезвычайно интересным. Никто нам особым вниманием не досаждал (не считая психологов), в стенах усадьбы не держал, свободным временем мы распоряжались по своему усмотрению, и в выходные целыми днями болтались по округе, если погода к этому располагала, а если нет, то проводили время в читальне за компьютером.

Главное было не опаздывать в столовую (там всех непременно пересчитывали) и, конечно, к отбою. После отбоя на ночь оставалась только няня (да и то в комнате малышей), и мы отправлялись на чердак, где пугали друг друга привидениями, и копались в пыльных завалах старой мебели, никому ненужных документов и прочего хлама, а в теплое время года жгли костер неподалеку от усадьбы, ели печеную кар-

тошку и любовались звездами.

Меня такая жизнь вполне устраивала, и я совсем не возражала, если бы она длилась вечно.

Но жизнь, как известно, не стоит на месте, в ней все течет и все меняется.

Под конец пятого года моего пребывания в детском доме вдруг объявился родственник Лавы.

До той поры наш друг о нем ничего не слышал, и вдруг в один прекрасный день он возник в сопровождении начальственного вида дамы, перед которой наша директриса явно заискивала.

Родственник мне сразу не понравился. Вертлявый, с фальшивой улыбкой и бегающими глазами. По мне так жулик. Одет был пижонски: вельветовые брюки, пиджак в клетку и бабочка. Из-под штанин выглядывали носки оранжевого цвета. Учитывая, что дядьке лет шестьдесят, выглядело это весьма по-дурацки.

Увидев Лаву (мы, как обычно, сидели в читальне), дядька прослезился, раскинул руки и пошел к нему со словами:

– Славочка, мальчик мой!

Чем «мальчика», скорее, насторожил. Далее последовали объятия и рассказ о том, как долго он искал родную кровинушку.

– А вы кто? – резонно поинтересовался Лава.

– Я дядя твоей мамы, из Москвы. Разве мама обо мне не рассказывала?

– Какое счастье, что родня нашлась, – пискнула директриса, а у меня возникли большие сомнения в родственных связях. У Лавы, кстати, тоже.

– Жулик, – пожимая плечами, вынес он вердикт после памятной встречи. – Интересно, что ему от меня нужно?

Учитывая, чем занимался его отец, кое-какие предположения у меня появились, не тогда, а теперь. Тогда же я была твердо уверена: Лаве с ним уезжать никак нельзя. Но он уехал, чем поверг меня в глубочайшее уныние.

– Мы просто завидуем, – заявила Дуня в ответ на мои горькие сетования, что Лава попал в лапы негодяя и его срочно надо спасать.

Данное замечание было сродни холодному душу.

А вдруг Дуня права? Какой детдомовский ребенок не мечтает о семье?

Мне казалось, я не из таких, да и ребенком себя давно не считала. Но сердце вдруг сжалось, и я испуганно подумала: а вдруг я никогда не увижу своего отца? Псих он или нет, в ту минуту было не так уж важно. И никогда не узнаю, кто моя мать?

В общем, разговоры о Лаве я прекратила, хотя ночами так и тянуло разреветься от беспокойства за него. Он всегда казался мне беспомощным, я имею в виду, в житейском плане. Лава ни разу не позвонил и не написал, что мое беспокойство лишь увеличило.

А потом пришла очередь Дуни покинуть наше заведение.

Ее забрал отец. Где его носило столько лет, история умалчивает, но о дочери он все-таки вспомнил и добился, чтобы ему ее вернули. О местонахождении матери он то ли не знал, то ли не пожелал рассказать, но тут же развеял Дунины опасения вновь оказаться в лесу, сообщив, что в Самаре у него квартира. Небольшая, однако со всеми удобствами.

Счастливой Дуня, покидая нас, не выглядела, да и потом не раз утверждала, что «жить с батей не сахар, тараканов у него в башке немерено, и лишь только ей исполнится восемнадцать, она от него сбежит».

Сбежала или нет, я так и не узнала. Наша дружба не выдержала испытания расстоянием.

Поначалу мы созванивались каждый день, потом раз в неделю, затем раз в месяц. Ближе к ее восемнадцатилетию звонки как-то сами собой прекратились.

Мы думали, что друг без друга жить не сможем, а оказалось – ничего нас особо не связывает, кроме детского дома, разумеется.

Последним из моей жизни исчез Ланс.

Однажды утром просто не явился на завтрак. Накануне вечером мы сидели на крыше, любовались звездами, и он меня поцеловал. По-настоящему.

Учитывая, что я была влюблена в него практически с момента нашего знакомства, неудивительно, что поцелуем все не ограничилось, и в спальне девочек я появилась ближе к утру в весьма потрепанном виде, но с чувством безгранич-

ного счастья.

Тем труднее было смириться с известием, что Ланс вдруг исчез. Через месяц он покинул бы детский дом вполне законно (по этому поводу мы строили планы перед тем, как проститься), не ясно, что заставило его вдруг сбежать. Вряд ли то обстоятельство, что мы стали любовниками. Скорее он решил осчастливить меня напоследок. Или доставить удовольствие себе. Тут уж наверняка не скажешь.

В общем, я осталась без друзей и с разбитым сердцем.

Не знаю, каких глупостей я смогла бы натворить, если бы не Петр Сергеевич, наш учитель физкультуры. В школу он устроился за полтора года до описываемых событий, до этого жил где-то на севере, вышел на пенсию и решил вернуться на малую родину. Но без дела ему не сиделось, и он не только вел уроки физкультуры, но и две секции: по вольной борьбе и стрельбе (он, кстати, оказался заядлым охотником).

Само собой, Ланс тут же записался в секцию по стрельбе, а вслед за ним и я. И уже через полгода мы выиграли областные соревнования, что, впрочем, неудивительно.

Дуня пошла заниматься борьбой, и потянула меня. Признаться, выбор удивил, зачем это девчонке? Но занятия внезапно увлекли. Петр Сергеевич оказался прекрасным тренером.

Узнав о том, что Ланс исчез, он подошел ко мне после урока и спросил сурово:

– Знаешь, почему он сбежал?

– Нет, – ответила я.

– И куда, не знаешь?

– Нет.

Тут я слегка лукавила. Местные ребяташки сказали мне, что возле села видели цыган, человек десять приехали на микроавтобусе, неизвестно откуда, а исчезли тем же утром, что и Ланс.

Учитывая некоторые факты его биографии (вопрос, что там было правдой) логично предположить: явились они за ним или он по какой-то причине решил к ним прибиться. Но говорить все это Петру Сергеевичу я не стала.

– Ясно, – хмуро глядя на меня, произнес он. – Значит, так. Скоро соревнования, так что всякую дурь из головы выбрось. Готовимся всерьез.

Все свободное время я тренировалась, соревнования выиграла и особых глупостей не наделала. Ограничилась письмами к Лансу, которые складывала в ящик тумбочки.

Вскоре случилось еще одно событие, которое серьезно повлияло на мою жизнь.

К нам приехали спонсоры. Привезли подарки, в том числе новенькие компьютеры, и устроили спортивный праздник. Это понравилось всем: и воспитателям, и детям, особенно малышне, и самим спонсорам.

Приезжать они стали регулярно. Одним из них был бывший опер, а ныне адвокат, он стал проявлять ко мне интерес, в том смысле, что общался со мной куда больше, чем с дру-

гими воспитанниками.

Поначалу я поглядывала на него с подозрением.

«Даже последняя дура знает, чего мужикам от нас нужно», – неустанно повторяла повариха тетя Зоя, трижды разведенка и мать четверых детей.

Но разговаривал он со мной всегда серьезно, и ни в чем предосудительном замечен не был. Никаких дурацких шуточек, намеков или прикосновений.

В конце концов подозрения меня оставили, и мы по-настоящему подружились. Вроде бы, что может быть общего у девчонки-старшеклассницы и взрослого мужчины? Но иногда такая дружба случается.

– Куда собираешься поступать? – спросил он меня ближе к выпускным экзаменам.

Я пожала плечами.

Если честно, я понятия не имела, что делать после окончания школы. Мои планы ограничивались двумя пунктами: поехать в Самару, чтобы узнать, что с Дуней, ну, и попытаться найти Ланса.

Последний пункт вызывал сомнения. Где его искать, я представляла с трудом.

В цыганском таборе? В заезжем цирке?

– Ты же понимаешь, тебе обязательно надо учиться.

Об этом мне твердили все. Я была отличницей, и никто из учителей не сомневался, что я поступлю в любой вуз.

– Понимаю, – вздохнула я.

– Тебе будет нелегко, я имею в виду, в материальном плане, – продолжил Константин Павлович. – Но... я хотел сказать, мы поможем. Я помогу. Пока не встанешь на ноги.

– Спасибо, – сказала я, хотя в тот момент предложение о помощи оставило меня практически равнодушной.

– Тебе надо идти на юридический, – сказал он. – Закончишь вуз, а там сама решишь, что выбрать: прокуратуру, следственный комитет или, в самом деле, полицию.

– Я люблю детективы, но, честно говоря, о работе в полиции никогда не думала, – промямлила я.

– Таня, – позвал он и уставился в мои глаза. – С твоими талантами тебе одна дорога – в правоохранительные органы. Иначе ты очень быстро можешь оказаться по другую сторону... Я хотел сказать: твои таланты надо использовать для правого дела. Чтобы не испортить себе жизнь. Ты меня понимаешь?

Я вновь кивнула, но, если честно, не особо вникала, о чем он. Точнее, меня это мало интересовало.

Но потом задумалась. Поначалу удивилась: что за таланты он имеет в виду и откуда о них знает? Большую их часть я держала в тайне. То ли Константин Павлович чересчур проникательный, то ли я себя чем-то выдавала.

В любом случае, отказываться от помощи было глупо. Да и оказаться «по другую сторону» мне не хотелось.

Детективы я действительно любила и не сомневалась: любое преступление можно раскрыть, а преступник, каким бы

хитрым и ловким он ни был, в конце концов окажется в тюрьме.

И я отправилась на юридический.

Почти каждый выходной я проводила в семье Константи́на Павловича. Детей у них с женой не было, наверное, по этой причине он так и привязался ко мне.

Его жена относилась ко мне хорошо, но друзьями мы с ней так и не стали. О службе в полиции я тогда всерьез не думала, решив, что куда разумнее пойти в адвокаты как Константин Павлович.

Но судьба распорядилась иначе, и в полицию я все-таки работать пошла, хотя и в другом качестве.

На стипендию не проживешь, а сидеть на шее у добрых людей я не планировала, и вскоре после поступления в вуз устроилась работать в фитнес-центр. Вела курсы самообороны, в тот год в городе появился маньяк, нападавший на женщин, и такие курсы где только не открывались. Маньяка поймали, народ успокоился, но желающих заниматься у меня в группе становилось все больше.

В результате мне повысили зарплату, я давала и частные уроки, так что вполне могла продолжать в том же духе после окончания университета, убрав диплом в ящик стола.

Но Костя, то есть Константин Павлович, считал: глупо учиться пять лет на юридическом факультете, чтобы продолжать работать тренером, хотя и соглашался с тем, что я вполне на своем месте, раз чувствую себя комфортно.

– С твоими мозгами грех в фитнес-клубе прозябать, – ворчал он.

Свою жизнь прозябанием я не считала, впрочем, так же, как и свои мозги чем-то выдающимся. То есть меня-то как раз все устраивало. Но обижать его очень не хотелось, а мое нежелание что-то менять в своей жизни он мог воспринимать как личную обиду.

Хотя главное, наверное, все-таки было в другом, памятуя наш разговор о моих «талантах». Он боялся, что, если я не буду на стороне закона, меня, чего доброго, занесет не туда.

Лично я жила себе спокойно и намеревалась продолжить в том же духе, но кто знает.

Костя нашел соломоново решение, и в конце концов я оказалась на работе в полиции, правда, инструктором. То есть продолжала заниматься любимым делом. Однако душа его теперь была спокойна. В фитнес-клубе я работала три дня в неделю по вечерам, так что в деньгах ничего не потеряла.

Константин Павлович познакомил меня с Егором.

Если быть точной, познакомила нас его жена, тоже адвокат. Егор был ее давним клиентом. Случилось знакомство накануне Дня защитника Отечества.

Я позвонила Косте, предложила встретиться, хотела его поздравить.

– Отлично. Поужинаем вместе. Ты, Марина и я. Не возражаешь?

Я, конечно, не возражала.

Мы договорились встретиться в семь часов вечера в ресторане «Белый лебедь».

За пару часов до назначенного времени Марине позвонил Егор, ему нужно было обсудить кое-какие вопросы. Она предложила встретиться в «Белом лебеде» около шести.

Когда там появилась я, а вслед за мной и Костя, они с Егором все еще разговаривали, правда, с делами уже было покончено. Егор собирался уходить, и тут я...

Он утверждал, что был сражен моей красотой.

– А еще меня поразили твои глаза. Такой взгляд редко встретишь у женщины.

Само собой, я поинтересовалась, что не так с моим взглядом.

– У тебя в глазах черти пляшут.

– У тебя тоже, – усмехнулась я.

– Неудивительно, что мы нашли друг друга, – засмеялся он.

Егор мне сразу понравился. И черти, лихо отплясывающие в его глазах, сыграли не последнюю роль. А еще он был красив. Не той броской красотой, что сразу привлекает внимание. К нему надо было приглядеться. К тому, как он двигается, как говорит, как меняется его лицо, когда на нем появляется улыбка.

В тот вечер я подошла к столику, удивляясь, что вместо Кости напротив Марины сидит молодой мужчина с длинными темными волосами.

Он, кажется, тоже удивился, увидев меня, взгляды наши встретились, он улыбнулся, и на правой щеке у него появилась ямочка.

– Привет, – сказал он, точно знал меня уже давно, и был уверен: я вот-вот появлюсь.

– Привет, – ответила я ему как старому другу.

Он поднялся, и на мгновение я решила: он меня поцелует. Но он протянул мне руку и сказал:

– Егор.

– Таня, – сказала я.

Марина наблюдала за нами с интересом.

– Выпьешь что-нибудь? – словно забыв о Марине, предложил он.

Тут она засмеялась, и он тоже.

– Извините...

– Мы собирались поужинать, – сказала Марина. – Татьяна – друг нашей семьи. Не хочешь присоединиться к нам?

– С удовольствием, – кивнул он и вопросительно посмотрел на меня.

К концу вечера я уже влюбилась.

Подошедший вскоре Костя Егору не удивился, оказалось, они знакомы несколько лет, против его присутствия на ужине не возражал. Однако, заметив нашу обоюдную симпатию, скорее, насторожился.

Разумеется, уже на следующий день я засыпала Марину вопросами по поводу нового знакомого. И тогда некоторая

настороженность Кости стала понятна. Егор был тем, кого принято называть папарацци. Вольный стрелок, который сотрудничал со многими изданиями, в основном, конечно, в интернете. Он был классным фотографом, довольно известным в своем мире. За месяц до нашей встречи у него открылась выставка в Питере, на которую он меня вскоре и пригласил.

В ближайший выходной мы отправились в Северную столицу, а вернувшись оттуда, уже практически не расставались.

Выставка произвела впечатление. Я поняла, что передо мной настоящий художник.

В свои тридцать с небольшим Егор объехал полмира и много чего повидал. Прекрасного и трагического. И люди на его фотографиях выглядели настоящими, в горе и в радости. Однако деньги он зарабатывал (и зарабатывал, надо сказать, очень неплохо) совсем другими фотографиями. И хоть законов не нарушал, но ходил на грани. Некоторые граждане из тех, кто попал в объектив, готовы были заплатить большие деньги, лишь бы фото не оказались опубликованы. И платили. Это не было шантажом, но здорово на него смахивало.

В общем, с точки зрения Кости, не такого спутника жизни я заслуживала. Но в этот раз я была непреклонна и советы старшего друга пропускала мимо ушей.

Вскоре он понял всю их бесполезность, и с присутствием рядом со мной Егора смирился.

Вскоре я переехала к Егору, а через год он сделал мне предложение.

Если честно, это было неожиданно. То есть я хотела жить с ним долго и счастливо и умереть в один день, но его женатым человеком в окружении потомства представляла с трудом. По мне он был легким на подъем парнем, которого ни одна женщина удержать неспособна.

Услышав это, он долго смеялся.

– Как плохо ты меня знаешь. Я вполне созрел для тихих семейных радостей. На самом-то деле, я беспокоюсь, что вдруг появится какой-то придурок и уведет тебя у меня из-под носа. Девчонки ведь мечтают выйти замуж. Я прав?

– Прав, – ответила я, хотя в тот момент и не была в этом так уж уверена.

Лично меня все в нашей жизни устраивало. Но и отказывать ему никаких причин я не видела. И мы отправились подавать заявление в ЗАГС.

У меня никакой родни не было, у Егора только тетка в Омске, откуда он был родом. В силу возраста приехать на свадьбу она не могла, в общем, мы решили обойтись ужином человек на двадцать-двадцать пять, в основном, моих коллег.

Но свадебное платье я купила. Красивое. В нем я чувствовала себя венценосной особой. До сих пор лежит в коробке в шкафу.

Натыкаясь на нее взглядом, я каждый раз даю себе слово

платье выбросить. Но рука не поднимается.

Егор погиб за три недели до свадьбы. Накануне он отправился в соседний областной центр, сказал, что есть работа.

Задавать вопросы я не стала, по опыту зная: это ему не понравится. Сам расскажет, если сочтет нужным.

Мне позвонили в девять утра, я была на тренировке и оставила мобильный в раздевалке. На пропущенные звонки, их было четыре, обратила внимание только в одиннадцать.

Перезвонила и удивилась, когда услышала «полиция». Но не испугалась. Минут пять мне пришлось объяснять, кто я такая и почему звоню.

– Похоже, это девушка того фотографа, – обращаясь к кому-то, сказал мужчина, но и тогда я не испугалась, только подумала: надо связаться с Мариной, Егору, скорее всего, требуется помощь. – Я вас сейчас переключу на капитана Субботкина.

И вскоре я услышала другой мужской голос:

– Субботкин Виктор Сергеевич. А вы Татьяна? Татьяна Юрьевна? Я пытался связаться с вами. Вы знакомы с Егором Новиковым?

– Да, конечно. Это мой жених. А что случилось?

– У меня для вас дурные вести.

Но и тогда я не подумала о самом страшном. Егор всегда казался мне человеком, с которым просто не может произойти ничего плохого. Наверное, поэтому и не хотела верить. И не верила, пока не увидела его в морге.

Субботкин рассказал мне, что случилось. Егора обнаружили в пять тридцать утра. Он упал с крыши шестиэтажного дома. За спиной рюкзак, рядом его камера. Ни одной фотографии он сделать не успел. Здание уже несколько лет пустовало, накануне шел снег, а к вечеру подморозило. Крыша была скользкая. Непонятно, что он делал на крыше.

Мне-то как раз было понятно: искал удобное место для съемки.

– Что там напротив? – спросила я.

– Гостиница. Шикарная, пять звезд. Называется «Камея».

– Ясно, – кивнула я.

Субботкин смотрел выжидающе, ему-то ясно точно не было.

– Он ведь фотограф? – спросил неуверенно.

– Папарацци, – сказала я. – Знаете, что это такое?

– Это те, кто снимает всяких знаменитостей? Чаще всего без их на то согласия? – Виктор Сергеевич задумался. – Никто из знаменитостей к нам вроде не приехал. Но я проверю. Если они где-то остановились, то, конечно, в «Камее». У меня жена любитель всяких концертов, обычно знает, кто приезжает на гастроли. Ничего на днях не говорила.

– Политики, серьезные бизнесмены? – сказала я.

– Я проверю, – кивнул он. – Учитывая, что это несчастный случай, расследования не будет. Но лучше, если мы узнаем, что он там делал.

Простившись с Субботкиным, я поехала на проспект Ку-

тузова.

Восьмой дом был затянут маскировочной сеткой. Попасть внутрь оказалось проще простого. Похоже, сторожа здесь не было. По крайней мере, никого мое появление не заинтересовало.

Я поднялась на шестой этаж, нашла выход на крышу. Железо давно покрылось ржавчиной. Ограждения не было. Я осторожно спустилась по покато́й крыше.

Если Егора интересовал вход в гостиницу, он должен был занять позицию примерно там, где сейчас стою я. То есть совсем рядом от края крыши. Если она была скользкой...

Некоторое время я сидела, глядя перед собой.

Незадолго до своей гибели Егор звонил мне. Как всегда, о своей работе ни слова.

– Часов с восьми я буду занят, – сказал он. – Скорее всего, закончу поздно. Не хочу тебя будить.

– Ты же знаешь, я редко ложусь рано...

– Лучше созвонимся утром.

– Утром у меня тренировка.

– Значит, позвоню после тренировки. Люблю тебя. Пока.

Кто же знал, что это наш последний разговор? А если бы я знала? Наверное, сказала бы, как я его люблю...

Я попыталась представить его здесь, уловить отзвук его присутствия. Даже позвала: «Егор!» и зажмурилась, потому что видела только одно: вот он поскользнулся и падает вниз...

Я пыталась избавиться от этой картины, потеряла глаза руками. Как хрупка наша жизнь... Один неосторожный шаг, и она вдруг обрывается... Я никогда не пыталась его остановить. Да это и невозможно было. И все-таки чувствовала вину. Я должна была что-то сделать, чтобы он не оказался в этом месте. Не поскользнулся, не сорвался вниз...

Перед отъездом я еще раз встретила с Субботкиным. Он испытывал неловкость. Наверное, потому что мы в какой-то степени коллеги, я ведь служила в полиции, а он ничем не мог помочь моему горю.

Виктор Сергеевич протянул мне лист бумаги.

– Здесь все постояльцы «Камеи». Может, есть знакомая фамилия.

Я покачала головой, не прикасаясь к бумаге.

– Егор никогда не рассказывал о своей работе.

Субботкин, чуть помедлив, кивнул и убрал лист с отпечатанными на нем фамилиями в папку.

– Понимаю, что в такой ситуации все слова бессмысленны, но... я вам очень сочувствую...

– Спасибо, – сказала я.

Через три дня Егора похоронили.

Я поднялась с кресла, что стояло у окна, и прошла по комнате.

Два часа ночи, за окном дождь. Попытаться уснуть? Засыпала я обычно под утро. Еще пара часов урывками днем.

Говорят, через год после похорон близкого человека становится легче. Прошло уже пять месяцев.

Может, не стоило мне оставаться в квартире Егора? Может, в другом месте, где о нем не напоминала бы каждая вещь, я успокоилась бы быстрее? Наверное.

Все дело в том, что я не хотела его отпускать, проститься с ним навсегда. И, уходя на работу, часто оставляла свет в квартире, чтобы, возвращаясь, видеть светящиеся окна и играть в глупую игру: Егор дома, ждет меня...

Распахнув входную дверь, я весело кричала:

– Привет, милый. Я дома.

Сервировала стол на двоих, рассказывала ему новости. В общем, вела себя как чокнутая. Но, должно быть, на людях мое безумие никак не проявлялось, по крайней мере, никто из моих друзей беспокойства по этому поводу не выразил.

Егор оставил квартиру мне. Он вообще оказался очень предусмотрительным человеком. В кармане его рюкзака, с которым он был в ту ночь, лежала записка с моим именем и номером мобильного. Оттого Субботкин так быстро со мной связался. Счет в банке, сто тысяч долларов и почти столько же евро в ячейке. Доверенность на мое имя я нашла в ящике секретера, где он хранил документы. Там же дарственная на квартиру.

Странная предусмотрительность, учитывая его возраст. Он считал свою работу настолько опасной? Если и так, то с последним делом напрямую это никак не связано. Он все

оформил еще за год до своей гибели. Буквально через пару месяцев после нашего знакомства.

Наличие у Егора такой суммы денег смущало. Безумных трат он не делал, но жил ни в чем себе не отказывая, так что вряд ли мог скопить столько. Сомневаюсь, что фотографии, чьи бы они ни были, могли стоить таких денег.

Я пробовала поговорить об этом с Мариной. Она лишь пожимала плечами.

– Ты же знаешь, о своих делах Егор предпочитал молчать. Иногда ему требовалась моя помощь. Как правило, если кто-то грозил подать на него в суд. Несколько раз его задерживала полиция. Это все, что я знаю.

Костя, когда речь заходила об этом, хмурился, но если у него и были какие-то догадки, то он молчал.

Я направилась в кухню, решив выпить чаю, когда услышала характерный звук: на мобильный пришло оповещение.

Я подошла к компьютеру, открыла почту. Письмо с незнакомого адреса. Я открыла его.

Пробежала глазами текст и замерла от неожиданности: *«Тайна, не ищи меня, я сам тебя найду. Лава».*

– Черт, – пробормотала я.

Разумеется, все эти годы я пыталась что-то узнать о своих друзьях. Особенно когда стала работать в полиции.

Дуня жила в районном городе Самарской области, вышла замуж, родила ребенка. В соцсетях ее не было, но номер мобильного я нашла без труда, и позвонила ей.

Она мне обрадовалась, мы проговорили больше часа, потом я еще несколько раз звонила, правда, все реже.

Найти Ланса мне не удалось. Зато я кое-что о нем узнала. Его родители действительно из цирковых, а вот никакой аварии на самом деле не было. Мать Ланса закрутила роман с акробатом. Муж, должно быть, узнал об этом, и во время выступления один из брошенных им ножей угодил ей в самое сердце. Поначалу он утверждал, что это был несчастный случай, мол, рука дрогнула. Но следователи, узнав о любовнике, взялись за него всерьез, и в конце концов он сознался в преднамеренном убийстве. Получил семь лет. Где находится в настоящее время, неизвестно.

Лансу тогда было двенадцать, родственников у него не оказалось, однако цирковые вряд ли бы его оставили, но еще до суда над отцом он сбежал. Его обнаружили в цыганском поселке во время полицейской облавы, парень совсем не походил на цыганских ребятишек, на что внимание обратили. И он, и его приемная семья утверждали, что он их кровный родственник, однако полицейские решили проверить, и вскоре выяснили: Ланс числится в пропавших без вести. Так он и оказался в детском доме.

Выходило, что были в его жизни и цирковые, и цыгане... Где он сейчас, оставалось лишь гадать. В местах лишения свободы его точно нет, что меня порадовало: хорошо зная своего друга, я бы не удивилась, обнаружив его там.

Хуже всего дело обстояло с Лавой. Об убийстве его роди-

телей местная пресса писала много. Убийц, кстати, так и не нашли. Журналисты строили различные версии и кое до чего смогли докопаться. Так что некоторые догадки выглядели вполне правдоподобно. Потом, как водится, шумиха сошла на нет. О самом Лаве упоминали только в первых публикациях: вернувшийся из школы сын обнаружил убитых родителей.

Покинув детдом, он словно исчез с лица земли. Сколько я ни пыталась отыскать его следы – все было бесполезно.

Если в случае с Лансом это было более-менее понятно – люди с его привычками предпочитают держаться в тени, – то отсутствие сведений о Лаве здорово беспокоило.

Куда он отправился со своим родственником? И почему молчал? Хотел начать новую жизнь, где старым друзьям не было места, или молчание было вынужденным? И он оказался в руках преступников?

Такое более чем вероятно. Поэтому я и искала его со всем старанием.

Когда в моей жизни появился Егор, поиски я прекратила, меня куда больше занимали собственные дела, однако пару месяцев назад возобновила их вновь. До сего дня никаких результатов, и вдруг это письмо. То, что он знал о моих намерениях отыскать его, меня не удивило. Для такого парня это нетрудно. Мог бы, кстати, на словах не экономить и кое-что сообщить о себе.

Ладно, он жив, и слава богу. То, что письмо от Лавы, я не

сомневалась, кроме отца и Егора только три человека называли меня Тайной – мои детдомовские друзья.

Заглянув в кухню, я налила чаю и вернулась в кресло возле окна.

Лава жив, что очень радует. Однажды мы встретимся, поболтаем. Возможно, на этом все и закончится, как было с Дуней. Мы уже давно не дети, и у каждого из нас своя жизнь.

Под утро я так крепко уснула, что не услышала звонок будильника и едва не опоздала на работу.

Вечером мы ужинали с Костей, он взял за правило встречаться со мной каждый вторник. Иногда к нам присоединялась Марина, чаще – нет.

После ужина Костя потащил меня в кино, на премьеру голливудского блокбастера. По мне, так идиотская затея, но Костю обижать не хотелось.

Я прекрасно понимала: этот фильм ему нужен так же, как и мне. Он просто хочет меня развлечь.

Фильм оказался на редкость глупым, я с трудом досмотрела его до конца.

– Я тебя отвезу, – сказал Костя, когда мы вышли из кинотеатра.

– Уже поздно, Марина тебя заждалась. Доберись на такси.

– Дай мне возможность побыть джентльменом, – улыбнулся он.

Мы свернули к моему дому, и Костя сказал:

– Ты свет забыла выключить.

Так и есть, в кухне горел свет. Вот только я не помнила, чтобы я его включала. Квартиру покидала утром, когда солнце вовсю жарило в окна. И больше домой не заглядывала. После работы отправилась в фитнес-клуб, оттуда на встречу с Костей. Может, я и не намеревалась оставлять свет включенным, и это получилось нечаянно? Задела рукой выключатель... Должно быть, так. Однако вдруг появилось беспокойство.

– Тебя проводить? – неожиданно предложил Костя.

– Ты что, на кофе напрашиваешься? – усмехнулась я.

– Куда уж мне, староват я для кофе, – засмеялся он.

– Не прибедняйся. Выглядишь отлично, девчонки в ресторане на тебя поглядывали.

Костя дождался, когда я войду в подъезд.

Поднимаясь по лестнице, я слышала, как отъезжает машина. Поднималась не спеша, пытаюсь разобраться с недавним беспокойством. Могла я оставить свет включенным или нет?

Наверное, могла. Однако обычно я делала это вполне осознанно.

Открыв входную дверь, я осторожно вошла в квартиру. Свет горел только в кухне, обе комнаты тонули в темноте.

Везде включив свет, я проверила ванную и туалет. Никаких признаков вторжения. И все же...

Я замерла рядом с кухонным столом. Что-то не так. Странное чувство, что здесь недавно кто-то побывал.

Запах. Запах мужской туалетной воды. Запах Егора.

– Черт, – пробормотала я.

Я просто спятила? Этим должно было кончиться.

– Егор! – позвала я и, усмехнувшись, покачала головой.

Я веду себя как идиотка.

Сорвавшись с места, как спринтер на старте, я бросилась в ванную. Вещи Егора оставались здесь все это время: туалетная вода, лосьон для бритья, бритва, зубная паста. Я сгребла их, вернулась в кухню и выбросила в мусорное ведро. Завтра соберу его одежду и прочие вещи...

Костя прав: пора начинать новую жизнь. По крайней мере, надо перестать делать вид, что Егор где-то рядом. Его нет. Я сколько угодно могу разговаривать с пустотой и оставлять включенным свет, он не вернется.

Я прошла в гардеробную и принялась снимать одежду с вешалок, решив не ждать утра. Куртка, его любимая. Когда мы встретились в ресторане, он был в ней.

Я заревела, уткнувшись в куртку лицом. Легче от слез не стало. Завтра куплю большие мешки, тогда и соберу его вещи. Сейчас их все равно некуда сложить.

Ночью я практически не спала. В шесть утра уже приняла душ, хотя могла бы поваляться в постели часов до семи. Включила кофемашину, потянулась за сахарницей, и тут что-то упало на плиточный пол с легким звоном. Ложка? Нет, звук был бы другим.

Я наклонилась, пытаюсь обнаружить вещь, которую только что уронила. Плитка на полу светлая, на ней даже крошка хлеба бросается в глаза. Ничего. Но звук я слышала. Или у меня не только с обонянием, но и со слухом проблемы?

Я упрямо продолжила поиски, сунула руку под шкаф, на котором стояла кофемашина, потом под холодильник.

Что-то есть. Кольцо. Точно. Откуда оно здесь?

Это и в самом деле оказалось кольцо. Обручальное. С минуту я просто держала его в руках, словно выпав из реальности. На внутренней стороне гравировка: «Егор и Татьяна – навеки».

Сомнений нет, это кольцо Егора. Для меня слишком большое. Я помню, как он говорил, посмеиваясь над собой:

- Ужасно сентиментально и глупо, да?
- Наверное, – ответила я. – Но мне нравится.
- Правда? Ты не будешь потешаться надо мной?
- Ну, если только иногда...
- Примерь. Надеюсь, с размером я не напутал.

Я надела кольцо и поклялась носить его вечно.

Стоп. Воспоминаниям предадимся в более подходящее время. У меня в руках кольцо Егора, о чем свидетельствует надпись. То самое кольцо, которое он купил к нашей свадьбе. И которое я надела ему на палец перед похоронами.

Я что, действительно спятила?

Я прошла в спальню, достала из верхнего ящика комода шкатулку. Мое кольцо лежало сверху. Точно такое же, как и

то, что я нашла в кухне. Только размер меньше.

Вернув свое кольцо в шкатулку, я положила кольцо Егора на стол, взяла мобильный и сделала фотографию, ожидая чего угодно, например, что на фотографии окажется пустой стол или на кольце не будет гравировки. Просто обычное кольцо, каких сотни в любом ювелирном магазине. Но кольцо лежало на столе, и надпись никуда не исчезла.

Я не спятила. Наверное, это хорошая новость. Или все-таки нет? Потому что если я не спятила, то откуда здесь кольцо?

Я быстро оделась и через пять минут уже вызывала такси, успев отправить СМС Косте.

«Сможешь подъехать на кладбище? Прямо сейчас?»

Костя позвонил, когда я садилась в такси.

– Какое кладбище? – спросил он. – То, где похоронен Егор?

– Да.

– Не самое подходящее время...

– Согласна.

– Что случилось? – совсем другим тоном спросил он.

– Объясню при встрече.

Кладбищенские ворота были закрыты, но калитка рядом не заперта. Обычно возле входа полно торговцев искусственными цветами. Но сейчас для торговли, должно быть, слишком рано. Мастерская по изготовлению памятников тоже была закрыта.

Я вошла в калитку и отправилась по аллее, но потом решила вернуться. Кладбище большое, не уверена, что Костя легко найдет могилу Егора.

Устроившись на скамейке в цветочном ряду, я ждала, когда подъедет Костя, держа руку в кармане джинсов, где лежало кольцо. Точно боялась, что оно вдруг исчезнет. А вслед за ним и фотография в мобильном.

Наконец я увидела машину Кости.

Припарковав ее на площадке в сотне метров от ворот, он торопливо направился ко мне.

– Привет, – сказала я, поднимаясь ему навстречу.

Он улыбнулся и поцеловал меня, но беспокойство из его глаз не исчезло.

– Извини, что подняла в такую рань.

– Ерунда. Но... признаться, ты меня немного напугала.

– Извини, – повторила я и протянула ему кольцо.

– Что это? – удивился он.

– Ты же видишь.

– Это что, кольцо Егора? – нахмурился Костя.

– Мое лежит в шкатулке уже месяц.

– Да, я заметил, что ты перестала его носить.

– Надоели вопросы о моем муже, точнее, надоело отвечать, что мужа у меня нет.

– Понимаю. Если честно, не понимаю ничего. Зачем мы приехали на кладбище?

– Кольцо Егора должно быть с ним. На его пальце.

– Подожди, подожди. Кольцо на его пальце точно было, теперь я вспомнил. Но... возможно, кто-то из рабочих снял его, когда закрывали крышку.

– А потом рабочего замучила совесть, и он кольцо вернул? А в квартиру проник под видом водопроводчика?

– Согласен, идиотская версия.

– Пошли, – позвала я, и мы направились к могиле.

Двигались молча, моя версия была не менее идиотской, чем его, но говорить об этом он не стал.

Розы в вазоне давно завяли, на плите иглы с сосны, росшей неподалеку. В остальном, полный порядок. Мраморная плитка не тронута, памятник тоже.

Костя, сев на скамейку, выжидающе смотрел на меня.

– Ты испугалась, что кто-то вскрыл могилу? – спросил он где-то минут через десять, утомившись, должно быть, моим молчанием.

Я села рядом с ним.

– А что я должна была подумать?

– Зачем кому-то вскрывать могилу? И подбрасывать тебе кольцо?

– Хороший вопрос, правда?

– Ты ведь не думаешь, что... что кто-то действительно...

– Я бы хотела знать наверняка.

– Господи, Таня... Мы ведь не можем взять лопаты и... понадобится специальное разрешение, а для этого нужна веская причина.

– Этого не достаточно? – кивнув на кольцо, спросила я.

– Таня, кольцо – не аргумент.

– Я спятила от горя, сама купила похожее кольцо, сделала гравировку и подкинула его на свою кухню? Я могу пройти тест на детекторе лжи, что этого не делала, – с усмешкой сказала я, и тут же явилось сомнение: а если все так и есть? Голливудские сценаристы и не такое придумывали.

– Хорошо, давай поразмыслим, зачем кольцо подкинули тебе? – спросил Костя. – Есть версии?

– Я не знаю, – пожала я плечами. – По-твоему, я действительно спятила?

– Я этого не говорил. Нет, конечно, нет. Ты очень болезненно переживаешь его гибель, но... ты не сумасшедшая. Напротив, ты на редкость здравомыслящий человек. Однако разрешение на эксгумацию мы не получим. По крайней мере, сейчас, когда не можем предъявить ничего, кроме кольца. Это не может быть чьей-то дурацкой шуткой?

– Не представляю, кто бы мог так шутить.

– У тебя нет врагов?

– Возможно, есть. Но я о них ничего не знаю. Это не шутка, Костя. Вчера я не оставляла в кухне свет включенным. Я знаю, что ты можешь сказать по этому поводу, но я этого не делала. Да, раньше такое было, но я всегда отдавала себе отчет в своих поступках. Кто-то включил в кухне свет, а еще взял из ванной туалетную воду Егора. Я почувствовала запах, когда вошла в кухню. Его невозможно было не почув-

ствовать. Кольцо оставили рядом с кофемашиной, но вчера я его не заметила. А утром, когда стала готовить кофе...

– Предположим, ты права. Кто-то проник в твой дом, оставил кольцо... Допустим, он побывал у тебя раньше, и видел твое кольцо. Логично предположить, что гравировка на обоих кольцах совпадает. Изготовить похожее кольцо нетрудно. Это куда проще, чем раскапывать могилу.

Я кивнула. Костя прав, это куда проще.

– Размер кольца Егора ты знаешь? – спросил Костя.

– Нет. Он покупал кольца без меня, и его размер я так и не удосужилась узнать.

– Неудивительно. Обычно мужчины дарят женщинам кольца, а не наоборот. Вопрос: чего от тебя добиваются? Вряд ли эксгумации.

– А если... если его там нет?

– Егора? Выброси подобные мысли из головы. Егор погиб. И ты, и я это знаем. В конце концов, проводили вскрытие. И никаких сомнений в том, что перед нами Егор, ни у кого не возникло. Надеюсь, ты со мной согласна?

– Да, – вздохнула я, – это был Егор, и он погиб.

– Вот именно. Но появление кольца как-то связано с Егором.

– С его гибелью?

– Не обязательно. Я никогда не говорил тебе... и сейчас говорить об этом мне непросто, но... Егор авантюрист по натуре... любил риск, деньги тоже любил.

– Хочешь сказать, он мог ввязаться в мутную историю?

– Мог. Не раз ввязывался.

– Допустим. А причем здесь я?

– Возможно, через тебя хотят что-то получить.

– Тогда почему так долго ждали? – покачала я головой и задала другой вопрос: – Стоило ли затевать дурацкую игру, если они могли получить от меня сведения иначе?

– Попросту выбив их из тебя?

Я пожала плечами.

– Почему бы и нет?

– А если они или он допускают, что ты не обладаешь нужными им сведениями?

– Но могу их добыть?

Теперь плечами пожал Костя.

– Гадать мы можем сколько угодно, но одно несомненно: от тебя ждут действий. А он или они станут тебя направлять. В нужную им сторону.

Я кивнула.

Надо сказать, за время нашего разговора я успела успокоиться. Теперь идея раскапывать могилу казалась глупостью.

Костя прав. Если исключить мое возможное сумасшествие (а признавать себя сумасшедшей я не спешила), то единственное объяснение происходящему – незаконченные дела Егора, о которых мне ничего не известно.

– А если все дело в его гибели? – спросила я.

– В его гибели? – не понял Костя.

– Если все было не так, как мы считаем.

– Ты имеешь в виду...

– Это был не несчастный случай, а убийство.

– Стоп. Давай придерживаться фактов. У следствия не было повода заподозрить убийство.

– Костя, ты много лет работал в полиции, я тоже там работаю...

– Знаю, что ты хочешь сказать. Дело поспешили закрыть? Не желали возиться, или кто-то позаботился о том, чтобы лишнего рвения никто не проявлял?

– С Субботкиным мы практически подружились, и он показался мне честным ментом. Такие, слава богу, встречаются.

– Тем больше оснований верить его выводам.

– А если кто-то хочет зародить у меня сомнения в этом?

– Таня, в такой ситуации самое разумное – никак не реагировать. Заставь этого типа проявить себя...

– Ты прав. Идем.

Я направилась между могил к аллее, Костя шел следом.

– Я прав, но у меня такое чувство, что слушать меня ты не станешь, – сказал он, поравнявшись со мной. – Обещай, что ничего не предпримешь, не посоветовавшись.

– Обещаю, – улыбнулась я. – Да, и спасибо тебе.

– За что? – улыбнулся он и обнял меня.

Так, обнявшись, мы и шли к машине.

– Домой? – спросил Костя, когда мы въехали в город. Я взглянула на часы.

– На работу. Может, высадишь меня на ближайшей остановке?

– Мне нравится твое общество, – усмехнулся он.

Пока Костя был рядом, я не сомневалась, что он дал хороший совет: вынудить типа, который недавно гостил в моей квартире, немного понервничать. Ему придется быть настойчивее, и он рано или поздно себя проявит. Набраться терпения и ждать. Отец любил повторять: «торопливость губительна».

Сведения о своем отце я, конечно, тоже пыталась найти. Устроившись в полицию, первое время только этим и занималась. Точнее, поиски я начала, как только подружилась с Лавой.

Но, похоже, Свиридова Юрия Алексеевича в природе не существовало. Скорее всего, это имя вымышленное, как и его героическая профессия. Меня, то есть Татьяны Свиридовой, до моего появления в полицейском участке тоже как бы не было. По крайней мере, никаких сведений я не нашла. Моя официальная биография начиналась в одиннадцать лет.

Почему я вдруг подумала об отце? Терпение.

Он учил меня терпению. Для тайного агента – вещь необходимая. Что ж, терпения у меня хоть отбавляй.

Однако вскоре выяснилось: свои способности я переоценила.

В столовой во время обеда я решила позвонить Субботкину. Сама толком не зная зачем. Дело давно закрыто, да и не было никакого дела...

Восемь гудков, я уже подумала, что он не ответит, когда услышала его голос:

– Привет. Как дела?

– Хреново. Но я уже привыкла. Здравствуй, Виктор.

– Не поверишь, я только что думал о тебе.

– С любовью?

– Ха-ха, я женатый человек, – и продолжил серьезно: –
Пытался решить, стоит тебе позвонить или нет.

– Есть новости? – насторожилась я.

– Ты имеешь в виду своего мужа?

– Кого же еще?

– Скорее есть странности.

– Вот как? У меня со странностями тоже полный порядок.
Сегодня нашла обручальное кольцо Егора. Лежало на кухонном столе.

– А должно было где?

– На кладбище. Вместе с ним.

Виктор присвистнул.

– Вот уж странность так странность. И что ты об этом думаешь?

– Со мной решили поиграть.

– Есть кто на примете?

– Нет, но это связано с Егором.

Он долго молчал.

Я уже хотела позвать его, когда Виктор заговорил:

– Вполне возможно. Тут такое дело. Пару недель назад постоялец гостиницы, где останавливался твой муж, случайно обнаружил конверт. Он был прикреплен скотчем к ящику стола. Постоялец объяснил: ящик плохо выдвигался, вот он и решил взглянуть...

– И что было в конверте?

– Фотография мужчины с вопросительным знаком на обороте.

– С чего ты взял, что фотография имеет отношение к моему мужу?

– Он жил в этом номере.

– И еще сотня человек после него. Или есть что-то еще? – насторожилась я.

– Есть. Ты могла бы приехать? Кое-какие вещи лучше не обсуждать по телефону.

– Конечно, – не раздумывая ни секунды ответила я.

– Тогда до встречи.

Я хотела позвонить Косте, но в конце концов звонок отложила. И отправилась к своему начальству.

Я постучала, услышала громкое:

– Да, – и вошла в кабинет.

Геннадий Михайлович ел гречку из контейнера веселенького оранжевого цвета. Вид имел страдальческий. Все знали,

что жена посадила его на диету.

– Редкая дрянь, – кивнув на кашу в контейнере, пожаловался он.

– Национальное достояние. Страшный сон россиян, что она исчезнет из магазинов.

– Да пропади она пропадом. Хотя с лучком да мясцом слопал бы за милую душу. А тут без мяса, да еще без соли... Ты чего хотела? – сменил он тему, оставив контейнер в сторону.

Я положила перед ним рапорт.

Он пробежал его глазами и с удивлением посмотрел на меня. Впрочем, удивление тут же сменил праведный гнев.

– С ума сошла? У тебя по графику когда?

– В сентябре.

– Вот. Отличный месяц, бархатный сезон.

– Мне сейчас нужно.

– Нужно ей... А работать кто будет?

– Я договорюсь с Павловским.

– Много от него толку. Может, объяснишь, с чего вдруг тебе отпуск понадобился?

– Я разговаривала со следователем, который вел дело моего мужа. Я хотела сказать, жениха...

– И что?

– В общем, кое-что требуется выяснить.

Геннадий Михайлович с минуту хмуро смотрел на меня.

– У них появились сомнения, что это несчастный случай?

– Пока не знаю. Предложил встретиться.

– Ну, так и сгоняй на выходные. Недалеко ведь.

– В выходной люди отдыхают.

– Он полицейский. А у полицейских с выходными туго.

Постой, я ничего не путаю? Как город называется?

Я ответила, и Геннадий Михайлович неожиданно расплылся в улыбке.

– Рапорт подпишу, но при одном условии: для тебя, как говорится, будет маленькое, но ответственное поручение. Садись.

Я села, гадая, что это может быть за поручение.

– У меня в этом городе одноклассник живет. Галактионов Сергей Сергеевич. В школе мы с ним не то чтобы дружили, играли в одной команде. Что ты ухмыляешься? Я, между прочим, неплохим спортсменом был... пока сто двадцать килограммов не наел. – Тут он с тоской посмотрел на контейнер с кашей. – Короче, мы не друзья, скорее приятели. И не виделись лет двадцать с последней встречи выпускников, и вдруг он ко мне обратился. Беда у него случилась. Человек он богатый, ну, или состоятельный, тут уж как посмотреть. Преуспевающий бизнесмен, одним словом. Вот кто-то и решил на нем заработать. Жену похитили, потребовали выкуп. Он заплатил.

– А жену не вернули? – спросила я, продолжая гадать, чего от меня хочет мое начальство.

– Вернули. Но... Короче, на месте все увидишь.

– Что значит «увиджу»? – нахмурилась я.

– То и значит. Он, само собой, хотел бы этих мерзавцев найти. А у тамошних ментов, как видно, никаких зацепок, или просто спустили дело на тормозах. Жену-то вернули. Вот он и обратился ко мне за помощью.

– Вы-то чем можете помочь?

– Да ничем. Знакомых среди их полицейского начальства у меня нет. Но человек, когда у него такое горе, моих объяснений не поймет. Да и жаль его, в одной команде играли. В общем, поезжай и разберись, что там к чему.

– Вы ведь это не серьезно? – гадая, с чего ему вздумалось так шутить, спросила я.

– В отпуск хочешь? Тогда сделай доброе дело.

– Я ж не следователь, чтоб похитителей искать.

– Не следователь. Но голова у тебя светлая, ты наблюдательна, и чуйка у тебя есть. Не зря Селиванов с тобой всегда советуется, а он у нас лучший сыщик.

– Он не советуется. Он клинья ко мне подбивает.

– Да ты что? Он же женат. Нарвется на выговор за неподобающее поведение. Позорит, так сказать, честь мундира. Но я в тебя все равно верю.

– Польщена. Если отставить в сторону комплименты, вы от меня чего хотите? Чтобы я создала видимость кипучей деятельности?

Начальство поморщилось.

– Между прочим, очень полезно взглянуть на ситуацию

свежим взглядом, со стороны, так сказать. Глядишь, и заметишь то, что тамошние менты проглядели.

– Да кто мне позволит...

– А ты аккуратно. Коллегам не обязательно знать, чем ты там занята. Ну, если только знакомому твоему. У тебя ведь с ним отношения сложились? Вот и поможет, в случае чего. Удостоверение у тебя есть, будет, чем козырнуть при необходимости. Наши люди не особо внимательны, хорошо, если фамилию разглядят. Посмотри, поговори с окружением Галактионова, понаблюдай, глядишь, и зацепочка найдется.

– Глупость все это.

– Поспорь с начальством, – гаркнул он, правда, впечатления не произвел. За его добрую душу сотрудники его любили, при этом нередко используя его доброту в личных целях. Вот и я сегодня намеревалась, но, похоже, только усложнила себе жизнь.

– В отпуск хочешь? – ухмыльнулся он.

Я закатила глаза.

– Ему-то вы что скажете?

– Что ты, будучи в отпуске, займешься его делом в частном порядке. И пусть его не смущает твой возраст и, извиняюсь, пол. У тебя редкий талант...

– Нюх как у собаки, а глаз как у орла, – кивнула я.

– Вот именно. Ну, что? Рапорт подписывать?

– Полноценный отпуск.

– При необходимости даже продлю. Но уже за твой счет.

– Подписывайте, – сказала я.

– Вот это дело. Поезжай прямо сегодня. Я ему сейчас позвоню.

Я, направляясь в отдел кадров, услышала за спиной:

– Таня! – Меня догонял Селиванов, тот самый лучший сыщик. – Привет. – Он подошел и поцеловал меня в щеку.

– Завязывай с этим. Михалыч предупредил: будет строго карать за аморалку.

– За какую аморалку?

– Я ему на тебя настучала.

Селиванов немного похлопал глазами, гадая, всерьез я это или нет.

– Я ж дружески, – сказал он.

– Женатым дружеские поцелуи запрещены, только рукопожатия.

– Если б ты дала мне хоть малюсенькую надежду, я бы развелся с женой.

– Лучше не надо.

– А это что? – кивнул он на рапорт в моих руках.

– С завтрашнего дня в отпуске.

– С чего вдруг? У тебя же в сентябре?

– Остро нуждаюсь в отдыхе. Ладно, пока.

Я отправилась дальше по коридору.

Через полчаса позвонила в автосервис. Моя машина, вопреки обещаниям, готова не была. Можно, конечно, отложить поездку на пару дней, но тут же стало ясно: для меня

это слишком большой срок.

Купив билет на поезд по дороге домой, я собрала чемодан и позвонила Косте. Сообщила о своем отъезде.

– Мы же договорились, – начал он, но я перебила:

– У Субботкина есть новости.

– Ты ему все-таки позвонила?

– И не зря, как оказалось. Он сам намеревался мне звонить. К тому же начальство отправляет меня в командировку. Как раз в этот город. Такие совпадения не зря случаются, согласись.

– Какая еще командировка?

– Обмен опытом.

– Послушай, у меня сейчас много срочной работы, но через несколько дней я с ней разберусь. Давай договоримся, что до моего приезда...

– Костя, я еду обмениваться опытом. И заодно поговорю с Субботкиным, и уж точно не хочу создавать тебе проблем.

– Обещай, что будешь звонить мне дважды в день.

– Утром и вечером, – заверила я.

Я забронировала номер в гостинице «Западная», той самой, где останавливался Егор.

Туда я прибыла через пять часов. Гостиница оказалась наполовину пустой, можно было попытаться занять комнату Егора, но я не помнила номер.

Была я там только однажды, когда забирала его вещи. Но-

мер он оплатил на три дня вперед, значит, минимум три дня намеревался оставаться в городе.

На что собирался потратить столько времени? Ясно, что он за кем-то или за чем-то охотился. Возможно, Субботкин уже знает ответ на этот вопрос.

Комната была на третьем этаже, это все, что я помнила. И тоже поселилась на третьем.

Гостиница выглядела прилично, хотя звездами на фасаде похвастать не могла.

Номер оказался довольно большим. Оставив рюкзак возле двери, я немного прошлась, села на кровать.

На меня вдруг напала тоска. Может, потому что впервые за полгода мне предстояло жить в отеле, а не в своей квартире. Хотя к перемене мест я относилась легко, что неудивительно, учитывая кочевой образ жизни моего детства.

Я взглянула на часы.

Субботкин в это время наверняка отдыхает в кругу семьи. Большое свинство его беспокоить. И все-таки я набрала его номер. Просто сообщу о своем приезде.

– Я в гостинице «Западная», – поздоровавшись, сказала я.

– Оперативно. Начальство отпустило?

– У начальства свой шкурный интерес. Но об этом потом.

Завтра сможем встретиться?

– А чего до завтра тянуть? Можно и сейчас.

– А как же заслуженный отдых?

– Жена с сыном в санатории. Одному тоска зеленая, но

если тебе надо отдохнуть с дороги, перенесем на завтра.

– Ты же понимаешь, мне не терпится узнать, что случилось.

– Тогда встретимся в холле отеля. Буду примерно через полчаса.

Я приняла душ и через полчаса спустилась в холл. Двумя минутами позже явился Субботкин.

– Привет, – сказал он, хотел пожать мне руку, но рассмеялся и неловко обнял меня. – С женщиной куда приятнее обниматься.

– Ничего не имею против.

– Значит, ты не феминистка, это радует. Хотя временами смотришь так, что я начинаю побаиваться.

– Феминизм придумали мужики-лентяи, доверчивые женщины им поверили, и к домашним хлопотам получили восьмичасовой рабочий день. Я совсем не против, когда передо мной открывают дверь и подают пальто. Идем в бар. Ты на машине?

– Черт, о баре я не подумал.

– Жаль. Значит, будем пить кофе. Или чай.

– Может, тогда в ресторан? Это я из дома, а ты...

– По дороге перекусила.

В баре царила тишина. В глубине зала шепталась парочка, вот и все посетители. Бармен, заметив нас, оживился, но быстро сник, когда мы заказали по чашке чая.

Устроились мы в противоположном от парочки углу, Суб-

боткин сделал глоток, посмотрел на меня и вздохнул.

– Вступительную часть считаем закрытой? – улыбнулась я.

Он усмехнулся, покачал головой.

– Помнишь, в каком номере жил Егор? – спросила я.

– В триста десятом.

– Серьезно? Меня как раз туда заселили.

– Совпадение?

– А что еще?

– В этом самом номере, как ты понимаешь, и нашли конверт. Вот с этой фотографией. – Он достал из кармана пиджака фото и протянул мне. – Сделал копию.

На фото в полупрофиль мужчина лет тридцати пяти. Снимали где-то на улице, мужчина смотрит в сторону. Суровое лицо, хотя черты, скорее, приятные, но несмотря на это, он вызывал смутную тревогу.

– И на обратной стороне был знак вопроса? – спросила я.

– Да. Во всю фотографию.

– Егор часто оставлял какие-то пометки на снимках, чаще всего восклицательный знак.

– И что это означало?

– Не знаю. Он терпеть не мог говорить о своей работе. Но вопросительный знак можно понять лишь в одном смысле.

– Кто этот человек?

– Или какую роль он играет в некой истории, – усмехнулась я. – Так кто этот тип?

– Нил Лукашов, родился в Литве, вместе с родителями переехал в Россию, в Калининград. Учился в Москве, работал в одной из столичных фирм, айтишник. Позже сотрудничал со многими фирмами. В нашем городе живет около трех лет.

– И что заставило его переехать сюда из Москвы?

– Наверное, решил сменить ритм жизни. А что? Одни стремятся в Москву, другие из Москвы. А для фрилансера не так важно, в какой точке мира находиться. При условии, что там есть интернет. Девять месяцев назад он попал в аварию, и теперь инвалид.

– Передвигается в инвалидной коляске?

– Передвигается он довольно шустро и на своих двоих. Травма головы. Перенес несколько операций, судя по всему, серьезных.

– И чем айтишник с травмой головы мог заинтересовать моего мужа? – спросила я.

Субботкин развел руками.

– У парня на редкость обычная биография. Сейчас у нас чертова прорва айтишников, и половина из них работает дома.

– Согласна. Но что-то тебе не понравилось? – внимательно глядя на Субботкина, сказала я.

– Не понравилось. Я, знаешь ли, привык доводить работу до конца. Короче, решил копнуть поглубже.

– И что?

– А ничего. На всем гриф «секретно».

– Выходит, он не простой айтишник.

– Вот именно. Я попытался подробнее узнать об аварии.

Куда его привезли, откуда. Здесь тоже все весьма странно.

– А поконкретнее?

– Он поступил в больницу скорой помощи, что логично.

Я наведалься туда. Но такого пациента никто не помнит. Хотя по документам все чисто.

– Ну, много времени прошло. Могли забыть. Сколько за девять месяцев к ним поступило людей после аварии?

– Я тоже так решил. На следующий день мне позвонили от наших старших братьев. И посоветовали не лезть, куда не просят.

С минуту мы смотрели друг на друга.

– Получается, этот парень связан с ФСБ? – сказала я.

– Или у них в разработке. А я тот самый слон в посудной лавке.

– Вряд ли бы ФСБ обратилась к моему мужу.

– Вряд ли. Значит, был кто-то еще.

– Есть догадки?

– Нет. Кандидатов на эту роль, прямо скажем, немного.

Как ты понимаешь, не те это люди, чтобы с ними конкурировать.

– Да уж, – кивнула и я спросила: – Егора убили?

– Ты видела, что написано в официальной бумаге. И у меня нет повода подозревать патологоанатома в том, что он искажил истину.

– Старшим братьям трудно отказать.

– Он порядочный человек. Проще было бы обратиться к кому-то другому. Дело даже не в этом. Учитывая обстоятельства... Скользкая крыша, темнота...

– Столкнуть человека с крыши, не оставляя следов борьбы, довольно просто.

– Вот именно.

– Получается, Егор перешел дорогу спецслужбам и его устранили?

– Не думаю.

– Но это первое, что приходит в голову.

– Пока мы не знаем всех обстоятельств, делать выводы преждевременно.

– Но несчастный случай теперь вызывает сомнения. Есть шанс возбудить дело?

– Через полгода? Только из-за фотографии, найденной в номере? Даже ты усомнилась, что она имеет отношение к Егору. Допустим, мы попробуем. Скорее всего, последует очередной звонок. И не мне, а начальству. Все эти дни я думал, стоит ли рассказать тебе об этом или нет, и решил: не стоит. И тут ты вдруг сама позвонила. Теперь ясно, эта история не закончилась пять месяцев назад.

– Я ничего не знаю о делах Егора.

– Но им-то об этом неизвестно.

– Им, это господам из ФСБ? Я думаю, они поступили бы проще: пригласили меня для доверительного разговора.

– Если не сочли, что использовать тебя «втемную» куда выгоднее. Это может быть опасно. Потому я и решил предупредить. Рассказать все, что сам знаю. Хотя, по сути, не знаю ничего.

– Спасибо, – сказала я.

– Не за что, – усмехнулся он и вздохнул: – Дерьмо история, да? Не забывай, есть еще люди, которые наняли Егора. Хрен знает, что им от тебя нужно, но втянуть тебя во все это могли они. И ты окажешься между молотом и наковальней. При этом понятия не имея, что происходит. С завязанными глазами, выражаясь фигурально. Поэтому мой тебе совет: бери отпуск и отправляйся к теплему морю. Чем дальше, тем лучше. А они тут пусть без тебя своими мутными делами занимаются.

– Хорошая мысль, – кивнула я.

Субботкин, как и Костя, советовал ни во что не ввязываться. Стоило бы послушать умных людей. Но мне уже было ясно: советом я не воспользуюсь. Я хочу знать, что случилось с Егором.

– Начальство мне работенку здесь подкинуло.

– Это какую же? – удивился Виктор.

– В вашем городе живет одноклассник моего босса. Галактионов Сергей Сергеевич. Слышал о таком?

– Галактионов? – Субботкин нахмурился. – Это у которого жену похитили? Слышал краем уха. А ты-то здесь причем?

– Галактионов обратился к нашему Михалычу с просьбой. Хочет злодеев найти, а местные менты не чешутся. Михалыч ничем помочь не может, но отказать приятелю неудобно. Нашел гениальное решение: меня прислал. Пользы от меня, понятно, никакой, но видимость заботы создаст.

– Твой босс – большой оригинал, – покачал головой Виктор. – Или я чего-то о тебе не знаю?

– Я очень наблюдательна, – сказала я с усмешкой.

– Надеетесь разворошить осиное гнездо? Я правильно понял?

– У бизнесмена много врагов?

– Не буду утверждать, но по опыту знаю: в таких делах... – он махнул рукой. – Галактионов о похищении жены сообщать не стал, выкуп заплатил, и жену вернули. Она беременная была, но ребенка в результате лишилась. Заявление он написал уже после ее возвращения.

– И менты решили, что напрягаться не стоит?

– Обывательское мнение, – хмыкнул Субботкин. – Скорее всего, реальных зацепок нет. Бизнесмены – народ неразговорчивый, когда речь заходит об их делах. Тем более что жену все-таки вернули. Обратись он сразу, шансов выйти на похитителей было бы куда больше.

– Ага. Как и шансов жены лишиться.

– Риск в обоих случаях примерно одинаковый. Хотя мужика можно понять. Что ж, покопайся в чужом грязном белье, если начальство велело. Я бы предпочел, чтобы ты тут

не светилась, но...

– Кто предупрежден, тот вооружен, – улыбнулась я.

– Главное, на рожон не лезь.

– Это проще простого.

– Тот, кто тебя сюда вытащил, шевелиться все равно заставит. Так или иначе.

– Посмотрим, – пожала я плечами.

Вскоре мы простились, и я отправилась в номер. Мысль о том, что Егор был здесь, теперь не давала покоя.

– Поговори со мной, – попросила я, сев на кровать, и закрыла глаза.

Я ждала знака, что он слышит меня, что он рядом, но ничего не происходило. Это только в кино те, кого любишь, возвращаются после смерти.

Устроившись за столом, я включила компьютер. Лучше заняться делом.

Интересовал меня Нил Лукашов. Точнее, авария, в результате которой он стал инвалидом.

Копаться в его биографии я не стала, памятуя слова Субботкина о том, что она у него самая обыкновенная. Дату аварии я уточнила у Виктора. От моего вопроса в восторг он не пришел.

– Я же тебя просил, не лезь ты в это дело.

– Я и не лезу, просто проверяю информацию. Вдруг мне повезет больше, чем тебе.

Аварий на тот период было около двадцати, я имею в виду

те, в которых пострадали люди. Если его доставили в местную больницу скорой помощи, то расширять поиски не имело смысла. Случись авария где-то еще, он оказался бы в ближайшей к этому месту больнице. Три случая стоило проверить.

Если была авария, значит, должен быть протокол.

Я заглянула в базу данных, но протокола, где упоминалась нужная фамилия, не нашла. Возможно, Лукашов ехал пассажиром.

Я вернулась к тем случаям, где в аварии пострадали несколько человек. Их оказалось не так много. И довольно скоро я смогла проследить, куда пострадавших доставили.

Лукашова среди них не было. Однако, судя по записям в больнице скорой помощи, его доставили туда и именно после аварии. Которой не было. Или по какой-то причине ее решили скрыть. Если к этому ФСБ руку приложила, удивляться подобным странностям не приходится.

По мнению Субботкина, Лукашова в больнице не было вовсе. То есть кому-то понадобилась эта авария, чтобы объяснить инвалидность Лукашова. По мнению моего друга, парень либо сотрудничает с ФСБ, либо у них в разработке. Они однозначно его прикрывают, иначе бы не звонили Субботкину. Но что за польза может быть от его инвалидности? А если в больнице он все же оказался, но в другой? А значит... значит, причина, скорее всего, проста: оказался он там вовсе не в результате аварии. Иначе вся эта суеда не имеет смысла.

Так что случилось с Лукашовым девять месяцев назад? Не этот ли вопрос интересовал людей, которые наняли Егора? И они отправили его следить за Лукашовым? Или я ошибаюсь? Почему Егор в тот вечер оказался в доме напротив гостиницы? Я бы сформулировала вопрос иначе: был ли в гостинице в это время Лукашов?

Взглянув на часы, я с минуту раздумывала: стоит ли звонить Субботкину?

Вообще-то он заслуживал того, чтобы я разбудила его среди ночи. Но сердце у меня доброе, отложим разговор до утра.

Я позвонила в половине восьмого, успев к этому времени принять душ.

– Не разбудила?

– Я ранняя птаха. А тебе чего не спится?

– Кто рано встает, тому бог подает.

– Мне не очень.

– Сочувствую. Виктор Сергеевич, а ты мне вчера все рассказал?

Он досадливо чертыхнулся.

– Я тебе все доходчиво объяснил. Никуда не лезь!

– Я и не лезла. Просто проверила кое-какую информацию. И обнаружила нестыковочку.

– Какую еще нестыковочку?

– Похоже, аварии не было. Или была, но не на дорогах вашего славного города и его окрестностей.

– Я же тебе рассказал о своем визите в больницу, так что могла бы время не тратить.

– Но для чего-то эта сказка понадобилась?

– Чтобы скрыть... что? – произнес он в замешательстве.

– Ответа у меня нет, как ты понимаешь. Но есть догадка.

– И появление здесь Егора связано именно с этим?

– Ты умный мужчина. Или не очень. Но ход наших мыслей совпадает.

– Сойдемся на том, что ты умная женщина.

– Лукашов был в гостинице в тот вечер? – сказала я.

– Может, не стоит болтать об этом по телефону?

– Значит, поболтать есть о чем?

– Черт меня дернул с тобой связаться, – проворчал он, впрочем, особого недовольства в голосе не чувствовалось.

– Ну, так что?

– Позвоню, когда освобожусь. А сейчас мне на службу пора.

Я отложила мобильный и задержалась возле стола. Выдвинула ящик. Двигался он свободно.

Егор спрятал конверт с фотографией, прикрепив его скотчем к дну ящика. Тайник довольно примитивный. Почему бы, кстати, не взять фотографию с собой? Память на лица у Егора феноменальная. Тогда зачем фотографию хранить? Почему не выбросил и почему спрятал?

Опасался носить с собой? Следовательно, не сомневался в возможности нежелательной встречи. Или... оставленная

фотография – это подсказка? Для кого?

Если снимок пять месяцев пробыл здесь и нашли его случайно, значит, тот, кому он предназначался, не смог его забрать. Или не сообразил проверить номер. Неужели он оставил фотографию мне?

При этой мысли я покрылась испариной, уже не сомневаясь: так оно и есть.

Торопливо достав фотографию, пристально вглядывалась в лицо мужчины.

Я никогда его не встречала, память на лица и у меня отличная. И что означает вопросительный знак на обороте? Что ты хотел мне сказать, Егор?

Где-то через полчаса я с раздражением покинула номер, сообразив, что ожидать озарения не приходится. Пешком добралась до гостиницы «Камея», еще раз взглянула на заброшенный дом. Выпила кофе в кафе по соседству и решила, что пора звонить Галактионову.

Мужской голос звучал раздраженно.

– Слушаю.

Я не спеша представилась и начала объяснять, по какой нужде звоню.

– Геннадий Михайлович предупредил меня, – перебил Галактионов, тем самым избавив от лишних слов. – Приезжайте ко мне домой. Адрес пришлю СМС. – И отключился.

Предложение слегка удивило, в такое время бизнесмен должен работать. Как видно, недавняя трагедия внесла кор-

рективы в привычный распорядок.

Получив СМС, я вызвала такси и направилась в пригород, где вдоль реки живописно расположились особняки, утопая в зелени и высоченных заборах.

Возле двадцать шестого дома по подъездной дорожке вышагивал охранник с рацией в руке. Заметив такси, жестом приказал остановиться.

Я заподозрила, что меня начнут обыскивать прямо на улице. Однако не угадала. Охранник был сама любезность.

– Прошу вас за мной.

По дороге к крыльцу с двумя ливадийскими львами он поглядывал на меня с некоторым недоумением, должно быть, гадая, что я за птица. А может, напротив, знал и диву давался хозяйской глупости. И в самом деле, какой толк от девицы, вроде меня?

Как только мы поднялись на крыльцо, тяжелая двустворчатая дверь со щелчком открылась. В холле охранник передал меня своему коллеге, сам вернулся на улицу.

Не говоря ни слова, мы прошли в просторную гостиную, где на огромном диване с горой подушек сидели двое мужчин. На журнальном столике перед ними бутылка коньяка и два бокала, в пепельнице, полной окурков, тлела сигарета. Воздух в комнате спертый, сидят они так не один час. Впрочем, хозяин мог коротать время в одиночестве, а гость присоединился недавно.

Обоим мужчинам чуть больше сорока. Галактионов одет

в серые спортивные брюки и футболку ядовито-оранжевого цвета. Она была коротковата и сильно обтягивала выпирающий живот. Волосы спутаны, не брился Сергей Сергеевич минимум неделю. Щетина за это время превратилась в клочковатую бороду, довольно нелепую. Вид неряшливый, точно он в запое. Впрочем, почему бы и нет. Душевные переживания этому скорее способствуют, чем мешают.

Гость одет в строгий костюм, с утра тщательно выбрит, однако выглядел подавленным. Сидел, пялясь в пустоту. К коньяку вряд ли прикасался, возможно, сделал глоток, чтобы хозяина не обидеть.

При моем появлении оба вскинули головы и с полминуты молча смотрели на меня.

К подобным взглядам я давно привыкла и перестала обращать на них внимание, по опыту зная, какие смешанные чувства вызываю у мужчин. Они категорически не желали принимать меня всерьез. Как, скажите на милость, принимать всерьез девушку модельной внешности, к тому же рыжую, я бы на их месте, наверное, тоже не смогла, однако при этом я «умела смотреть», по выражению Егора. В результате в мужские души закрадывалось сомнение: стоит ли верить своим глазам? И тут же являлась убежденность, что их нагло водят за нос и под маской красоти им втюхивают нильского крокодила.

В общем, я та самая рыжая стерва, которой палец в рот не клади.

Уже привычная гамма чувств отразилась на лицах сидевших передо мной мужчин.

Хозяин сурово нахмурился и, поднявшись, шагнул ко мне.

– Татьяна Юрьевна? Я – Галактионов, а это Москаленко Максим Иванович, мой друг.

– Максим, – Москаленко аккуратно пожал мою руку, продолжая приглядываться.

– Выпьете что-нибудь? – вдруг оживился Галактионов. – Я имел в виду, чай, кофе? Вы завтракали?

– Не беспокойтесь, – устраиваясь в кресле напротив, сказала я.

– Извините, – принял он покаянный вид, кивнув на стол. – Нервы ни к черту. Убери здесь все, – сказал он громко, обращаясь к охраннику.

Пока охранник наводил порядок, Сергей Сергеевич прошел к окну, открыл створку, впуская в комнату свежий воздух.

Москаленко, понаблюдав за мной еще немного с едва уловимой ухмылкой на губах, выразительно посмотрел на часы и сказал:

– Не буду вам мешать.

– Спасибо, что приехал, – вздохнул Галактионов, протягивая ему руку.

Он пожал ее, потом они обнялись, и Максим Иванович сказал тихо:

– Держись, брат.

Он ушел, Сергей Сергеевич занял место в кресле, на сей раз диван проигнорировав. Нервно потер руки, поднял на меня взгляд.

– Рассказывайте, – попросила я.

Прозвучало это, должно быть, не слишком любезно, потому что Галактионов нахмурился. Он не знал, как вести себя со мной, и, наверное, злился на своего однокашника и моего начальника. В самом деле, мог бы прислать мужика. Но отфутболить меня не решался, значит, лелеял хоть и слабую, но надежду на помощь.

– Что ж, – пожал он плечами. – Третьего апреля моя жена поехала в женскую консультацию. Она беременная... была... Машину оставила на парковке, между кустов тропинка, вот она и пошла короткой дорогой. Там он на нее и напал, скорее всего.

– Скорее всего? – переспросила я. – Это последнее, что запомнила ваша жена?

– Моя жена в ужасном состоянии. Врач говорил с ней... и да, это последнее, что она запомнила. Он увез ее на своей машине, ее «Мерседес» так и остался на парковке. Я был на работе. Часов в пять позвонил жене, удивился, что она сама до сих пор не позвонила. Яна не ответила, и я начал беспокоиться. А когда узнал, что она не была у врача... В общем, поехал в консультацию, не зная, что и думать. Вдруг ей стало плохо или произошла авария? А когда увидел ее машину...

– Вызвали полицию? – когда пауза затянулась, спросила я.

– Именно это я и собирался сделать, – кивнул Галактионов. – Но тут он позвонил.

– Похититель?

– Да. Сказал, если я обращусь в полицию, жены мне больше не увидеть.

– Он дал какие-то указания?

– Велел ждать дома. И отогнать машину Яны, чтобы не привлекать внимание.

– Как думаете, он следил за вами?

– Думаю, да. Уж очень вовремя позвонил. Хотя... я ведь мог позвонить в полицию из своего кабинета. Черт его знает. Но мне кажется, что следил. Было неприятное чувство, что кто-то пялится в затылок.

– Вы кому-нибудь сообщили о том, что случилось? Родственникам?

– Нет. Он велел молчать. Я боялся за жену, надеялся, что мы договоримся. Приехал домой, минут через пятнадцать после этого он опять позвонил. Сказал, что хочет полмиллиона долларов. Деньги должны быть готовы к полудню, то есть на следующий день.

– У вас была наличка или вы сняли деньги со счета?

– Наличка. В ячейке банка. Предпочитаю некоторую сумму держать под рукой. Утром забрал деньги и стал ждать. В двенадцать он позвонил. Дал необходимые инструкции.

– Вы не потребовали передать трубку жене?

– Потребовал, – усмехнулся Сергей Сергеевич. – Он только засмеялся. Сказал, спорить с ним и предъявлять требование, значит, тут же лишиться жены. Еще сказал: там, где она находится, для беременной место не подходящее. Вряд ли она протянет долго. А он просто забудет ее там. Я сразу понял: этот сукин сын... он псих, он так и сделает.

– Психи получают удовольствие от мучений других, – сказала я. – А этот хотел денег. Хотя одно другому, конечно, не мешает. Так почему вы решили, что он псих?

– Он запугивал меня, говорил о моей жене, о том, что она погибнет... Я не знаю, как объяснить, но я был уверен: он не просто запугивал меня, он от этого получал удовольствие.

– И у вас не возникло мысли, что это розыгрыш? И вашей жены у него нет? Ведь он не предоставил никаких доказательств?

– Господи, да какие доказательства? – всплеснул руками Галактионов. – Вы бы его послушали... Я не сомневался, что Яна у него и ей грозит смертельная опасность! И был готов сделать все, чтобы ее спасти... Я люблю свою жену, понимаете? И не стал бы рисковать Яной, это я ему и сказал. Он засмеялся и заявил: «Надеюсь, что так». С деньгами в спортивной сумке я вышел из офиса, один. Он звонил мне, говорил, что делать. Я долго петлял по переулкам в старом городе. Вышел к бывшему главпочтамту. Его собирались реставрировать, но года два как забросили. Натянули сетку и... там даже сторожа нет, зимой был пожар. В общем, он велел

бросить сумку в подвальное окно.

– По-вашему, все это время он был где-то рядом?

– Ему ведь надо было убедиться, что я один? Без полиции?

– Полиции не обязательно следовать за вами, достаточно прослушивать ваши разговоры.

– Я сделал, что он сказал, бросил сумку и вернулся в офис. Он обещал позвонить через час и сообщить, где моя жена.

– Он позвонил?

– Через сутки. Это был настоящий кошмар. Я не знал, что делать. Бежать в полицию, ждать? Вечером после того, как он не позвонил в обещанное время, я вернулся к почтамту. Глупость, конечно. Я хотел убедиться, что денег там нет. Сумки не было, а на стене этот мерзавец нарисовал смайлик с улыбкой от уха до уха. Когда я его увидел...

– Возможно, смайлик нарисовал кто-то другой, – сказала я.

Галактионов взглянул исподлобья.

– Конечно, вы правы. Но тогда я был уверен: он издевается. Деньги получил, но жену мне не вернет. А еще подумал: скорее всего, ее нет в живых...

– Но в полицию не пошли.

– Не пошел. Оставалась крохотная надежда.

– Ему звонить пробовали?

– Номер скрыт. Получив деньги, он сразу же избавился от мобильного, и потом звонил с другого телефона. Когда я уже мысленно простился с женой и был готов идти в полицию, он

позвонил. Указал место в Загородном парке. Там я и нашел Яну. В том месте проходит лыжная трасса, а весной практически никого нет. Зато можно подъехать на машине.

– Яна была в сознании? – задала я вопрос.

– Нет. Он накачал ее наркотиками. Я сразу вызвал скорую, и полицию, разумеется, тоже.

– Вы сказали, ваша жена потеряла ребенка. Что стало причиной?

Он пожал плечами.

– Сильный стресс, те же наркотики. Я не знаю, что он с ней сделал. Выкидыш случился уже в больнице, а я... я боялся спросить врачей. Внешне она как будто не пострадала, ни синяков, ни ссадин, измученная, бледная. Ясно, что он держал ее взаперти и колол всякой дрянью.

– Что она смогла рассказать о своем похитителе?

– Ничего. Она до сих пор молчит. Молчит с тех пор, как узнала, что потеряла ребенка. Вы не представляете, как мы его ждали. Для Яны это было главное событие... плод нашей любви...

Услышав это, я едва не поморщилась, но вовремя опомнилась. У человека горе, а меня раздражает его высокопарный слог.

– Для матери потеря ребенка – трагедия, – с умным видом покивала я.

– Конечно. Но для Яны... она мечтала стать матерью. А теперь... теперь шансы на это невелики. Неожиданные ослож-

нения... хотя, чего ж неожиданного, учитывая все, что она пережила. В общем, моя жена из самой счастливой женщины превратилась в глубоко несчастную. Она отказывается говорить даже со мной. На вопросы врачей отвечает односложно. Лежит лицом к стене большую часть дня. Я забрал ее домой, надеялся, здесь ей будет лучше. Но через неделю был вынужден вновь поместить в клинику. Она в глубокой депрессии. Моя жизнь разрушена. Уничтожена, – вновь взглянув исподлобья, сказал он.

– Говорят, время лечит. Медицина шагнула далеко вперед, возможно, все еще наладится. Ваша жена вновь будет радоваться жизни и родит вам ребенка.

Я думала, он ответит мне грубостью, такие высказывания не успокаивают, а скорее бесят, меня-то уж точно. С какой стати я принялась болтать эту чушь?

Однако Галактионов, вздохнув, молча покивал, вроде бы соглашаясь.

– И что господа полицейские? Есть чем похвастать?

– Им плевать, – зло отмахнулся Сергей Сергеевич. – Дали мне понять, что если я решил с самого начала обойтись без них, то вина целиком и полностью лежит на мне.

– Их позиция понятна, но ведь идет следствие?

– Идет. Ни шатко ни валко.

– С вашей женой беседовали?

– Пытались. Она отвернулась к стене и не сказала ни слова. Я даже думать боюсь, что ей пришлось перенести.

Галактионов вдруг всхлипнул, торопливо вытер ладонью глаза. Вид плачущего мужчины вызвал у меня оторопь. Хотя почему бы и нет? Нормальная человеческая реакция. Ему же не вбивали сызмальства в голову, что он суперагент, а им, как известно, слезливость не к лицу.

– Но хоть что-то им удалось узнать? – вздохнула я.

– Понятия не имею. Они дважды допрашивали меня, друзей семьи, кое-кого из моих сотрудников. По-моему, от этого мало толка.

– Вы сказали, в Загородный парк Яну доставили на машине.

– Не на руках же он ее принес... Место там малолюдное.

– Следы шин... возможно, кто-то все-таки заметил машину?

– Если он не дурак, от машины избавился. Или угнал тачку заранее. Это же очевидно.

– Если верить детективным сериалам, так и есть, – кивнула я и вновь подумала: «Он не выдержит, пошлет меня к черту». Однако и в этот раз он промолчал.

– Значит, никаких зацепок? – подытожила я.

– Вряд ли бы они стали скрывать от меня что-то, – пожал он плечами. – Боюсь, просто махнули рукой на это дело. Следователь сказал: «Радуйтесь, что ваша жена жива. Легко отделались».

– Полмиллиона долларов – деньги немалые, – сказала я.

– Вы что, смеетесь? Да мне плевать на эти деньги. Моя

жизнь разбита, жена сама на себя не похожа, и неизвестно, справится ли... А вы – полмиллиона... Я хочу найти эту сволочь, во что бы то ни стало. И никаких денег не пожалею.

– К частным детективам обращались? Среди них есть толковые.

– Да? Наверное, мне не повезло. Рекомендовали одного бывшего мента. Недельку он таскался по нашим знакомым, потом торчал в моем офисе, после чего начал мямлить: если нет возможности поговорить с моей женой, следствие будет топтаться на месте.

– Учитывая, что ваша жена единственная, кто мог хоть что-то сообщить о похитителе...

– Да, конечно. Но время идет. Значит, найти его будет все труднее.

– Я бы хотела встретиться с детективом.

– Ради бога. Я перешлю вам номер его мобильного и его, конечно, предупрежу. Боюсь, что пользы от разговора с ним не будет.

– Тогда, если не возражаете, вопросы будут к вам, – сказала я и выжала улыбку, словно извиняясь. – Ваша жена не отвечала на звонки, вы обнаружили ее машину на парковке, собрались сообщить в полицию, но тут раздался звонок от похитителя. И вы сразу бросились выполнять его приказы, не сомневаясь, что ваша жена у него...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.